

Всероссийский музей А. С. Пушкина
Мемориальный музей-квартира Н. А. Некрасова

**Литературный журнал
в контексте русской культуры**

Сборник научных статей

Под редакцией Е. Ю. Глевенко

Санкт-Петербург
2015

УДК 821

ББК 83.3 (2Рос=Рус) + 83.3 (2) лб

Л64

Редакционная коллегия:
С. М. Некрасов, Р. В. Иезуитова, Е. Ю. Глевенко
(ответственный редактор)

Рецензент
Л. П. Громова

Составители указателей:
Ю. А. Зигерн-Корн, А. В. Ильичев

Л64 Литературный журнал в контексте русской культуры: сборник научных статей / под ред. Е. Ю. Глевенко; предисл. С. М. Некрасова. СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2015. — 120 с.; ил.

ISBN 978-5-98147-064-6

Сборник научных статей, созданный на основе докладов участников конференции, посвящен основным этапам становления русского литературного журнала со второй половины XVIII века до настоящего времени.

УДК 821

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-98147-064-6

© Коллектив авторов, 2015
© Всероссийский музей
А. С. Пушкина, 2015
© Екатерина Арт (Омельченко),
обложка, 2015

Содержание

Предисловие (<i>С. М. Некрасов</i>)	4
<i>Л. Б. Михайлова</i> . В. Ф. Малиновский — журналист и издатель	7
<i>Ю. Б. Балашова</i> . Литературный альманах — «толстый» журнал: инверсия типологических границ.	21
<i>Т. И. Галкина</i> . «Я дал себе клятву никогда не участвовать ни в каком журнале» (Гоголь и московские журналы)	34
<i>М. Ю. Степина</i> . О редакционно-критической позиции Н. А. Некрасова в 1850-е годы (на примере публикаций Е. П. Ковалевского)	42
<i>О. С. Кругликова</i> . Историческая тематика на страницах «Русского вестника» 1860–1870-х годов	54
<i>Е. С. Сони́на</i> . Некрасовские журналы в русской карикатуре XIX века	63
<i>С. В. Павлова</i> . Традиция издания рукописных журналов в Императорском Александровском Лицее	80
Приложение	
<i>Н. А. Корнилова</i> . Под грифом «секретно» (Царскосельская бумажная мельница, 1785–1818)	103
Указатель имен.	116

Предисловие

Научная конференция «Литературный журнал в контексте русской культуры», прошедшая в Мемориальном музее-квартире Н. А. Некрасова в феврале 2015 года, была приурочена к проведению Года литературы в России. В ней приняли участие научные сотрудники Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Всероссийского музея А. С. Пушкина, преподаватели высших учебных заведений Петербурга.

Сборник научных статей, созданный на основе докладов участников конференции, посвящен основным этапам становления русского литературного журнала со второй половины XVIII века до настоящего времени. Потребность отечественной литературы в журналах была велика во все времена. Периодические журналы, чаще всего ежемесячные, знакомили читателя с новинками русской или зарубежной литературы, литературной критикой, публицистикой. Открывает сборник статья Л. Б. Михайловой «В. Ф. Малиновский — журналист и издатель», в которой подчеркивается значимость литературного журнала как особо важной части российской культуры и «организатора» нового литературного поколения конца XVIII — начала XIX века.

Предисловие

Многие литературно-художественные журналы XIX века являлись еще и общественно-политическими, так как содержали рубрики и статьи по вопросам экономики, социологии, истории, текущей политики и способствовали формированию общественного мнения. Этому посвящены статьи М. Ю. Степиной «Редакционно-критические выступления Н. А. Некрасова в 1850-е годы (на примере публикаций Е. П. Ковалевского)», О. С. Кругликовой «Материалы по русской истории на страницах „Русского вестника“ М. Н. Каткова».

На сегодняшний день литературные «толстые» журналы и альманахи остались практически единственными изданиями, которые влияют на ход литературно-журналистского процесса и ориентируются исключительно на художественную и интеллектуальную составляющую текста. Именно пространство журналов и альманахов сохраняет сегодня само существование таких жанров, как развернутая рецензия, обзорная статья, подборка стихотворений или эссе. Статья Ю. Б. Балашовой «Литературный журнал — литературный альманах: типологическая граница» исследует взаимовлияние и конкуренцию литературной периодики в исторической перспективе.

Статья Т. И. Галкиной «Я дал клятву никогда не участвовать ни в каком журнале» посвящена противоречивым отношениям Гоголя к издательскому делу; статья Е. С. Сониной — сатирическим графическим откликам на творчество Некрасова и его издания. С. В. Павлова исследует богатую традицию издания рукописных жур-

Предисловие

налов в Императорском Александровском Лицее. Завершает книгу статья Н. А. Корниловой «Под грифом секретно», посвященная первой в России фабрике по производству ассигнационной, гербовой и вексельной бумаг, учрежденной в Царском Селе по указу Екатерины II.

Особенно приятно, что сборник выходит в свет в преддверие 195-летия со дня рождения Н. А. Некрасова и 70-летия со дня открытия музея в квартире поэта на Литейном проспекте, 36. Надеюсь, он будет интересен широкому кругу читателей.

Директор Всероссийского музея А. С. Пушкина,
доктор культурологии, профессор
С. М. Некрасов

Л. Б. Михайлова

В. Ф. Малиновский — журналист и издатель

Бесспорно, XVIII век, особенно его вторая половина, был уникальным периодом в истории Отечества. Именно тогда происходят значительные изменения в экономике, политике, внутреннем устройстве государства. Кабалось, преобразования, начало которых было положено еще энергичным Петром I, коснулись всех сторон жизни и способствовали формированию человека нового времени, изменению его взглядов, ускорению темпа жизни. Спустя годы Н. М. Карамзин заметит: «...наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями»¹.

Михайлова Людмила Борисовна — заведующая Музеем-Лицеом, кандидат культурологии. Автор книг по истории Царскосельского Лицея и Царского Села: «Дней Александровых прекрасное начало...» (1996), «Царскосельский Лицей и традиции русского Просвещения» (2006), «Отечество нам Царское Село» (2011); «Императорский Лицей в воспоминаниях воспитанников» (2011) и др. Постоянный участник международных конференций по проблемам образования и сохранения культурного наследия. Сфера научных интересов: русское Просвещение, история Лицея, судьбы лицейских воспитанников.

Изменения коснулись всех сторон жизни; русский человек уже не представлял свою жизнь без книги, чтения, домашних библиотек, в которых заметное место занимали литературные журналы. В этом отношении особенно повезло московской читающей публике. Своеобразным издательским центром древней столицы становится Московский университет, имеющий свою типографию, деятельность которой то утихала, то, напротив, активизировалась.

В начале 60-х годов XVIII века при Московском университете возникает целая серия периодических изданий. Например, за тридцать лет директорской деятельности в университете известного поэта М. М. Хераскова им было выпущено множество журналов, среди них — «Полезное увеселение» (1760–1762), «Свободные часы» (1763), «Невинное упражнение» (1763). Напрямую не связаны с Херасковым, но издаются сотрудниками его редакции «Добрые намерения» (1764), «Собрание лучших сочинений» (1762). Образованная дворянская молодежь делает многочисленные переводы, литературные обзоры, публикует в журналах собственные литературные произведения.

В июне 1778 года М. М. Херасков передает университетскую типографию Н. И. Новикову, который спустя некоторое время берет ее в аренду на десятилетний срок. Он заменил оборудование, шрифты, увеличил штат работников, что принесло ощутимые результаты: уже к 1785 году число печатных наименований, выпускаемых типографией Московского университета, до-

стигло 400. Для сотрудничества в журнале «Утренний свет» Н. И. Новиков приглашает студентов, в их числе — братья Алексей и Василий Малиновские.

Журнал «Утренний свет» стал одним из первых русских периодических журналов, посвященных почти исключительно философским и этическим вопросам. Число подписчиков, среди которых — Г. Р. Державин, митрополит Платон, доходило до 800 человек: по тем временам тираж очень большой. Статьи для этого издания писали Н. И. Новиков, М. М. Херасков, М. Н. Муравьев. Переводы из произведений Сенеки делали студенты Малиновские. И. И. Дмитриев позднее вспоминал: «Новиков поощрял университетских студентов, семинаристов, даже церковнослужителей к упражнению в переводах»².

Литературная деятельность будущего директора Императорского Царскосельского Лицея Василия Федоровича Малиновского началась с сотрудничества в изданиях Н. И. Новикова. «Утренний свет», как и другие журналы Новикова конца 1770-х годов, пропагандировал идею масонского нравственного самоусовершенствования. Для самого Новикова самоусовершенствование не мыслилось вне общественно полезной деятельности, направленной на благо Отечества. Взгляды Новикова усваивали и молодые люди, сотрудничавшие в его изданиях. Проникся ими, как позднее будет видно из его сочинений, и Малиновский, который и сам вступил в одну из масонских лож.

По окончании университета В. Ф. Малиновский был определен в архив Коллегии иностранных дел, служба

в котором считалась престижной, «давала простор для честолюбивых планов»³.

Легкость, с которой молодой человек переводил с иностранных языков, причем не только с европейских, но и восточных, добросовестность, аккуратность, исполнительность позволили Малиновскому выдвинуться, и вскоре он уже служит в Канцелярии иностранных дел в Петербурге. В 1785 году Коллегия иностранных дел направляет в Англию нового посла — С. Р. Воронцова, а Малиновский получает назначение на должность переводчика в Лондоне. В письме А. Р. Воронцову от 1 июля 1803 года он признавался, что ехал туда не для карьеры, а для «пользы — желая познать государство, славимое мудростию и счастьем своего правления и жителей»⁴.

Все, что увидел молодой русский чиновник в Англии, потрясает его: энергичный, деловой ритм английской жизни, машины, пришедшие на смену изнурительному ручному труду, свобода личности, независимость характеров. Близкое знакомство с порядком ведения хозяйства и промышленностью произвело на Малиновского огромное впечатление. Он начинает работу над переводом книги «Отчет генерала Гамильтона о пользе мануфактур и отношении оных к торговле и земледелию»⁵, а личные впечатления и размышления заполняют страницы дневника. В тот момент их автор не предполагал, что вскоре представится возможность познакомить со своими записями сотни читателей.

На страницах московского издания «Приятное и полезное препровождение времени» в 1796 году появляет-

ся публикация «Россиянин в Англии», подписанная инициалами «В. М.».

Это издание в конце XVIII века пришло на смену «Чтению для вкуса, разума и чувствований» — журнала, который издавался как приложение к газете «Московские ведомости». «Препровождение времени...» выходил дважды в неделю в течение четырех лет, с 1894 по 1898 год.

Первым его издателем был В. С. Подшивалов, а с 1796 года — П. А. Сохацкий, который впоследствии и возглавил журнал.

Окончив Московский университет, оба издателя начали в нем свою педагогическую деятельность. Первые лекции в Университетском пансионе по российской словесности, логике и нравоучениям прочтет П. А. Сохацкий. С 1795 года он — экстраординарный профессор Московского университета, с 1801 года — ординарный профессор философии и древней словесности и одновременно преподаватель Московского Благородного пансиона, где преподает русскую словесность, логику и «моральные науки»; с 1805 года первым начал читать в университете курс эстетики. Среди учеников Сохацкого — А. С. Грибоедов, С. П. Жихарев, И. М. Снегирев.

С. П. Жихарев писал: «Прекрасно также говорит и Павел Афанасьевич: он основательно изучил свой предмет и предлагает его убедительно. Я не слышал других эстетиков, и потому не могу определить достоинство нашего профессора сравнительно с прочими, но, признаюсь, слушаю его с величайшим удовольствием»⁶.

И. М. Снегирев позднее вспоминал, что наставник «с обильной ученостью соединял тонкий вкус, поразительное чувство изящного, редкий дар слова, которым и увлекал внимание слушателей. <...> Прекрасные его разборы од Горациевых коротко нас познакомили с духом поэта. Студенты обязаны его красноречивым лекциям развитием вкуса и любовью к изящному»⁷.

Сам П. А. Сохацкий начал заниматься литературной деятельностью еще на университетской скамье, его первые переводы были напечатаны в журналах «Вечерняя заря» и «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785).

Став редактором журнала «Приятное и полезное препровождение времени», он, во многом сохранив тематику журнала прежнего издателя, внес в него ряд существенных изменений.

В отличие от предшествующего периода, исключительно ориентированного на современную литературу, публикацию переводов немецких и французских авторов, в журнале Сохацкого были обширно представлены переводы римских и греческих мыслителей, переложения псалмов. Педагогическая деятельность позволяла ему находить новых авторов и переводчиков для журнала. И. М. Снегирев вспоминал о годах ученичества: «У него занимались мы анализом сочинений, к отделению мысли от выражения, приучались к сочинениям и совершенствовались в переводах. Переложение псалмов с славянского на русский открывало нам дух и красоты священной поэзии. Разбором в классе опытов студенческих он умел возбудить соревнование в слушателях...»⁸.

Значительное внимание в журнале уделяется английской литературе и культуре, до этого представленным очень слабо, проблемам эстетики и ряду других новшеств. Большим приобретением для издателя стали дневниковые записи о пребывании в Англии В. Ф. Малиновского, который приходился родным братом жене П. А. Сохацкого — Наталье Федоровне, урожденной Малиновской.

«Жадное любопытство» побуждало В. Ф. Малиновского не тратить в Лондоне времени даром. Вместе с соотечественниками Н. М. Карамзиным, В. П. Кочубеем, А. Н. Демидовым он осматривает Британский музей, университеты, библиотеки, театры, Биржу, Гарвардскую тюрьму, где, по замечанию Н. М. Карамзина, «жестокое правосудие смягчено человеколюбием»⁹, больницы, дома для престарелых. Но больше всего молодых людей поражает правовая основа государства, равная законопослушность всех перед законом, независимо от положения и происхождения.

«Англичане законов своих не толкуют, а поступают по ним слово в слово. Англичане не почитают за унижение покоряться законам», — резюмировал В. Ф. Малиновский в своих записках, дав им название «Россиянин в Англии»¹⁰.

В серии своих очерков он, в частности, проводит параллель между русскими и англичанами: «Мы, живучи в суровом климате, имеем в своем сложении твердость и крепость, и Англичане по свойству своего печальны и мрачны. <...> Они мне нравятся своею вольностию. —

Мы бы лучше сделали, если бы заняли у них, а не у французов. — Надо сказать, мы, то есть люди большого света, сходнее с французами — но я уверен, что народ наш более бы нашел удовольствия в английском вкусе, потому, что он натуральнее»¹¹.

Интерес к чужому народу, стремление понять и объяснить особенности их быта, жизни были вызваны не только простым любопытством. Познавая чужую жизнь, Малиновский сравнивал ее с жизнью огромной России и с ужасом замечал, что дистанция, отделяющая российскую жизнь от английской, — колоссальна. И если конец XVIII века для Европы — время ожидания перемен, в России государственное устройство вступило в период прогрессирующей стагнации.

Профессия дипломата не позволяла Малиновскому подолгу жить на одном месте. За Англией последовал Ясский конгресс, на котором с огромным трудом был подписан Ясский мирный договор, так необходимый России и Турции. Переводчикам русской дипломатической миссии, в числе которых был Малиновский, приходилось использовать все знания и умения, отслеживая тонкости турецкого перевода, умышленно искажавшие смысл высказываний русских дипломатов. Далее он служит в генеральном консульстве в Молдавии.

С Молдавией связана еще одна публикация в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Это путевые заметки, подписанные традиционными инициалами «В. М.», с подзаголовком «от бывшего там

в последнюю турецкую войну»¹². Такое стремление к анонимности во многом привело к посмертной безвестности В. Ф. Малиновского.

Автор заметок не может скрыть своего презрения к молдавским господам, которые пользуются любым способом для обогащения: «Чем ненадежнее его состояние и скорее может перемениться, тем с большей жадностью он поспешает обогатиться, утесняет и грабит без уважения к человеколюбию и правосудию», — пишет Малиновский. Его удивляют несвойственные для России отношения между местными помещиками и крестьянами: «Крестьяне, будучи вольны, не шатаются праздно и не ленятся работать»¹³.

Отдавая дань входившему в моду сентиментализму, Малиновский пишет не только о Молдавии, — он размышляет о превратностях человеческой жизни, о взлетах и падениях, которые поджидают каждого на жизненном пути. Устоять перед разнообразными коллизиями помогут, по мнению автора, лишь знания и конкретное ремесло, которым необходимо овладеть каждому. Такой человек «будет превыше всех превратностей счастья, где бы он ни находился. Никто не может поручиться за постоянство счастья...»¹⁴.

Непостоянство счастья было очень хорошо знакомо В. Ф. Малиновскому. Возвратившись в Петербург из Молдавии, он долгое время ждал следующего места службы, оставаясь чиновником Коллегии иностранных дел без места. Журналистский опыт подтолкнет Малиновского к изданию собственного литературного жур-

нала, и в 1803 году в Петербурге появится новый журнал «Осенние вечера».

«Осенние вечера, сокращая заботы дня, довольно времени дают прежде сна помыслить о себе. Окружающая нас темнота ночи напоминает прежнее небытие мира, как он сотворен. Что я ныне в сем мире? Уделите же и вы время осенних вечеров для размышления, приобретения познаний и для исправления своего»¹⁵, — такое обращение издателя, который привычно обозначил свое авторство лишь инициалами «В. М.», предваряло последующие статьи.

В новом издании обращают на себя внимание несколько моментов: изначально издатель подчеркивает непродолжительность существования журнала, само название определяет время его выхода: три осенних месяца. «Осенние вечера» — это типичный пример «персонального журнализма», т. е. в издании в одном лице совмещались функции редактора, издателя, журналиста, а также главного и единственного автора.

Первый номер увидел свет 28 сентября 1803 года. Внешне журнал не мог привлечь читателя: он был непривлекательным, без виньеток и украшений, отпечатан на грубой серой бумаге, небольшой по объему¹⁶.

Главная мысль первого номера — счастье каждого человека заключается в совершенствовании его души, в освобождении от временного, случайного. Издатель обращается к своим читателям с просьбой «благодарно сообщать известные верные случаи человеческой

жизни, дабы конкретными примерами утвердить его мнение», но, видимо, таких сообщений не последовало.

Журнал стремился развлечь публику, заставляя размышлять и давая разностороннюю информацию. Если первый и второй номера содержат в основном нравоучительные сочинения, то в третьем появляются публикации по географии, истории, внутренней и внешней политике, педагогике. Малиновский хочет привлечь, заинтересовать читателя, найти понимание у различных слоев петербуржцев.

Вот как автор пишет о славе и могуществе отечества в статье «Любовь России»: «Россия так велика, что все европейские народы вместить может, каждый по собственному климату. Если французам в Сибири холодно, так шведам и датчанам тепло, пруссаки не замерзнут там, а испанцам жаркая Астрахань, для итальянцев в Крыму растут оливы... <...> В России много разнородных языков, но главное попечение должно быть о соединении всех любовью и согласиём...»¹⁷.

Проблемам истории посвящена статья «История России». «Древняя Российская Вифлиофика» Н. И. Новикова¹⁸ уже не могла полностью удовлетворить читающую публику, поэтому автор предлагал готовить к публикации древние акты и рукописи. В статье «Своя сторона» (№ 8) редактор пишет о присущем каждому человеку чувстве любви к своей стороне, т. е. к родине.

Издание национальной газеты, учреждение университетов — вот то, что, по мнению Василия Федоровича, может привести к единству, к «соединению разнород-

ных сынов России на основе общей любви и попечения о благе Отечества»¹⁹.

Интересы Малиновского разносторонни, но большинство статей журнала проникнуто патриотической озабоченностью за судьбу России. Даже краткий и поверхностный обзор статей журнала отчетливо обозначает направленность издания. Прежде всего это воспитание гражданской позиции читателя, воспитание человека-патриота и истинного гражданина своего Отечества.

Задолго до того момента, когда он станет директором уникального учебного заведения, Малиновский со страниц своего журнала размышляет о необходимости воспитания не просто честного и добропорядочного гражданина, смиренного и покорного служителя закона, а свободной личности, сознательно работающей на пользу общества. Эти идеи формировали новое читающее поколение, идущее на смену уходящему XVIII веку.

Публикации в «Осенних вечерах» В. Ф. Малиновского были созвучны с размышлениями русских просветителей о служении отечеству и его благе. И, как писал Н. М. Карамзин: «Не все могут быть воинами и судьями, но все могут служить отечеству. Герой разит неприятелей или хранит порядок внутренний, судья спасает невинность, отец образует детей, ученый распространяет круг сведений, богатый сооружает монументы благотворения, господин печется о своих подданных, владелец способствует успехам земледелия: все

равно полезны государству. — Россияне одарены от природы всем, что возводит народы на высочайшую степень гражданского величия: умом и твердым мужеством»²⁰.

Примечания

- ¹ *Карамзин Н. М.* Речь, произнесенная на торжественном собрании Российской Академии 5 декабря 1818 г. // Карамзин Н. М. Избр. соч.: в 2 т. М.; Л. 1964. Т. 2. С. 234.
- ² *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. СПб., 1886. С. 292.
- ³ *Лотман Ю. М.* Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века. М., 1996. С. 174.
- ⁴ *Малиновский В. Ф.* Избр. общественно-политические статьи. М., 1958. С. 151–152.
- ⁵ Этот перевод будет издан в России через 17 лет, в 1807 г.
- ⁶ *Жихарев С. П.* Дневник студента // Жихарев С. П. Записки современника: в 2 т. Л., 1989. Т. 1. С. 58–59.
- ⁷ *Снегирев И. М.* Воспоминания // Русский архив. 1866. Вып. 5. С. 749–750.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 339.
- ¹⁰ Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 9. С. 322.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. 1797. Ч. 14. С. 35.
- ¹³ Там же. С. 5.
- ¹⁴ Там же. Ч. 14. С. 36.
- ¹⁵ Осенние вечера. 1803. № 1. С. 3.
- ¹⁶ В Российской Национальной библиотеке сохранилось 7 номеров журнала, а всего их было выпущено 8 (в течение сентября — октября), отсутствует 4 номер.
- ¹⁷ Осенние вечера. 1803. № 5. С. 34.

Л. Б. Михайлова

- ¹⁸ «Древняя российская Вифлиофика» — многотомное издание Н. И. Новикова, включающее публикацию древних документов по истории России.
- ¹⁹ Осенние вечера. 1803. № 8. С. 59.
- ²⁰ *Карамзин Н. М.* Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Карамзин Н. М. Избр. соч. Т. 2. С. 276.

Ю. Б. Балашова

Литературный альманах — «толстый» журнал: инверсия типологических границ

В такой логоцентричной и литературоцентричной стране, как Россия, литературная периодика не может не составлять значительный сегмент прессы. Его основу образуют литературный журнал и альманах, представленные на русской почве именно в своей доминирующей литературной разновидности. Их взаимовлияние и конкуренция влияют на ход литературно-журналистского процесса. Особенно отчетливо характер данного взаимодействия прослеживается в исторической ретроспективе.

Подобно тому как многостильный романский жанр сложился на основе конвергенции различных малых жанров (что убедительно доказал М. М. Бахтин¹), в процесс формирования типа русского классического «тол-

Балашова Юлия Борисовна — доктор филологических наук, доцент кафедры истории журналистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета. Автор более 60 научных работ, включая две монографии, по истории журналистики и литературы, педагогике журналистики, научно-популярной журналистике. Предметное поле исследований носит междисциплинарный характер, совмещает филологический и социально-гуманитарный подход.

стого» журнала значительный вклад внесли альманахи. В начале 1820-х годов альманахи — не просто излюбленная форма публикации авторами новых произведений, но и основной тип российской периодической печати. Комментируя этот довольно известный факт, В. Н. Орлов подчеркивал: «Первая четверть XIX столетия не знала журнала как такового; его замещал альманах. Самое название „журнал“ имело в ту пору преимущественно номенклатурное значение; <...> журналы <...> как по своей конструкции, так и по своим хозяйственно-организационным формам приближались к типу сборников, альманахов. <...> Вместе с тем, на рубеже тридцатых годов журнал повсеместно и в очень короткий срок вытесняет альманах...»². Перефразируя известную формулу Ю. Н. Тынянова³, альманах эпохи романтизма можно назвать «литературно-журналистским фактом».

Поскольку в 1820-х — начале 1830-х годов изящные альманахи — «карманные книжки» занимали главенствующее положение в системе печати, то, соответственно, они во многом брали на себя журнальные функции. Известно, что декабристы стремились к созданию собственного журнала, однако соответствующее разрешение ими так и не было получено, поэтому они обратились к форме альманаха. Вышедшая из декабристского круга «Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемое кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером» (М., 1824–1825. Ч. 1–4) являла собой характерный пример гибридизации, была полуальманахом-полужурналом. В этой связи типично следующее высказывание: «Цензу-

ра обратила внимание на объявление о выходе в свет первой части „Мнемозины“, помещенной в „Московских ведомостях“ <...> (1824 г.). Министр народного просвещения <...> сделал запрос: не является ли это издание периодическим, то есть журналом. В объяснении, представленном министру, отмечалось, что „сие издание не есть периодическое, а только временное, или просто книга, издаваемая в четырех частях“. <...> „Мнемозина“ фактически являлась журналом, трехмесячником, каким был впоследствии и „Современник“ Пушкина, а альманахом она была названа лишь с целью обхода некоторых трудностей цензурного порядка, связанных с получением разрешения на периодическое издание в условиях полицейского режима двадцатых годов»⁴. Знаменитая «Полярная звезда. Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности на 1823–[1825] год» (СПб., 1823–[1825]), издаваемая А. А. Бестужевым-Марлинским и К. Ф. Рылеевым, положила начало моде на альманахи в России. И хотя альманах издавался всего лишь три года, однако, по мнению В. Э. Вацуры и Н. Л. Степанова, он отчетливо стремился перерасти в журнал и фактически стал таковым⁵. Развивая обозначенную логику, можно с уверенностью утверждать, что «карманная книжка» М. Погодина «Урания» преобразовалась в «Московский вестник», «Северная лира» С. Рачича — в «Галатею», «Северные цветы» пушкинского круга — в «Литературную газету» и «Современник».

Цензура склонялась к квалификации альманаха как книжного, а не периодического издания. Поэтому и цен-

зурная судьба альманахов складывалась несравнимо проще и благоприятней, нежели у журналов. На определенную лояльность отношений, сложившихся между таким типом издания, как альманах, и цензурой, указывает и тот знаменательный факт, что альманахи нередко издавали сами цензоры. Так, издатель «Русского вестника» С. Н. Глинка подготовил с 1825 по 1829 год четыре выпуска «Московского альманаха», и при этом с 1827 по 1830 год служил цензором. Известно, что Глинка отличался особой принципиальностью и, будучи цензором, вступал в конфликты с Московским цензурным комитетом и даже был арестован. В активно развиваемую в дальнейшем серию «Московских альманахов» он включил детский альманах: «„Незабудочка“. Московский альманах на 1827 год, изданный Сергеем Глинкою» (М., 1826). Интерес С. Глинки к такого рода материалу сформировался еще в «Русском вестнике», где существовал специальный отдел «Новое детское чтение». Из этого раздела впоследствии вырос детский журнал под тем же названием — «Новое детское чтение» (1821–1824).

Альманах занимает пограничное, промежуточное положение между журналистикой и литературой. Организационная сторона подготовки альманаха проще, чем журнала или газеты. Альманах издается как повременное издание «от случая к случаю», он жестко не зависит от постоянного состава сотрудников, своего круга читателей-подписчиков и др. Тем не менее именно альманахам суждено было сыграть — в определенные культурно-исторические периоды — ключевую роль и в литературном, и в журналист-

ском процессе. Так, в пушкинское время они способствовали сплочению и экспликации поэтической творческой среды («пушкинского круга»), а также подготовили переход от субкультурной кружково-салонной литературы к литературе общественной, журнальной.

Если важнейший типформирующий признак «толстого» журнала основан на его принципиальной идеологизированности: установке на репрезентацию направления, группировки, течения, то альманах является гораздо менее идеологизированным и терпимым к идейным разногласиям типом издания. На становление «альманашной толерантности», вне всякого сомнения, в значительной степени повлиял генезис альманаха и его необычайно отчетливая историческая память о своем происхождении. Начиная со Средних веков, альманах был и остается календарем, относится к разряду календарной словесности.

Здесь мы подходим к важнейшему тезису о кардинальном различии самих оснований появления и бытования журнала и альманаха. Оставляя в стороне вопрос об информационных потребностях общества, можно говорить о том, что в случае журнала эти основания ближе к идеологически-просветительным, в случае альманаха — к общекультурным. Альманах оказывается востребован в эпохи господства так называемых вторичных стилей. К ним относятся: романтизм, время доминирования натуральной школы, модерн, авангард, ранний соцреализм, постмодернизм⁶.

Концепция «первичных» и «вторичных стилей» впервые была предложена Д. С. Лихачевым⁷, а затем

развита во многом с семиотических позиций И. П. Смирновым⁸ (который работал в свое время под руководством Лихачева в Пушкинском Доме). Эта концепция представляет собой вариант типологии культурных эпох, слабо разработанной и по сей день. В ее основе лежит представление о качественном различии ключевых периодов в развитии культуры, их разнопорядковости. Прежде всего «первичные» и «вторичные» стили различаются по их отношению к внетекстовой реальности, причем степень условности возрастает именно во «вторичных стилях» на фоне ослабления идеологического задания. Если спроецировать концепцию Лихачева — Смирнова в плоскость истории журналистики, то характерным представителем «первичных стилей» следует считать «толстый» журнал, а «вторичных» — альманах.

Журнал как синкретичный тип издания способен «вбирать», поглощать альманашный материал. Именно поэтому середина — вторая половина XIX века характеризуется доминированием сначала «толстого» журнала, а затем газеты и определенным упадком, периферийностью альманаха. В то же время справедливо и обратное: альманах успешно развивается тогда, когда журнал — в силу разных причин — не способен доминировать, как, например, в эпоху романтизма и модерна.

В неоромантическую эпоху начала XX века на фоне дискурса «смерти „толстого“ журнала» происходит возрождение альманахов. В это время альманах вновь оказался, как, впрочем, и на всем протяжении своей «цензурной» истории, в гораздо более выигрышных условиях,

нежели другие виды периодики. Для выпуска альманаха не требовалось специального разрешения местной администрации, Главного управления по делам печати или даже самого министра, как это происходило в случае вновь создаваемых журналов и газет. Системообразующее значение альманаха в литературном процессе начала XX века определялось тем важнейшим обстоятельством, что альманах выступал одним из основных инструментов в борьбе конкурирующих литературных группировок, отличавшихся закрытостью и даже кастовостью. Так, вслед за «Русскими символистами» выходит в свет центральный символистский альманах «Северные цветы» (М., 1901–1911. Кн. 1–5), изданный книгоиздательством «Скорпион». Он был открыто ориентирован на традицию альманахов пушкинской поры уже на уровне заглавия и композиции (отделы прозы, поэзии и литературных документов). Особую, с оттенком стилизации, эстетику альманаха эпохи модерна определяла и его высокая оформительская культура: «Северные цветы» иллюстрировали художники «Мира искусств». Другим издательским проектом «Скорпиона» был журнал «Весы» (1904–1909), подготовкой которого объясняется шестилетний перерыв (с 1905 по 1911 г.) в издании альманаха. Оба печатных органа редактировал Брюсов, отличавшийся достаточно жесткой, нетерпимой к инакомыслию редакторской политикой⁹. Однако даже в рамках субкультурных символистских альманахов данный тип издания реализовал свойственную ему терпимость к идейным разногласиям. Так,

в первой книжке «Северных цветов» печатались вполне «чуждые» символистскому лагерю писатели — А. П. Чехов, И. А. Бунин. В отделе «Письма, мемуары, статьи» было опубликовано письмо князя А. И. Урусова, где он откровенно оскорбительно высказался о некоторых из авторов сборника: «Книга [Бальмонта. — Ю. Б.] производит впечатление психиатрического документа... Ну, а Добролюбов с Брюсовым, это уж — на чистоту! из клиники душевнобольных»¹⁰. В предисловии «Скорпион» излагал программу, наполненную отсылками к пушкинской поре: «Возобновляя после семидесятилетнего перерыва альманах „Северные Цветы“, <...> мы надеемся сохранить и его предания. Мы желали бы встать вне существующих литературных партий, принимая в свой сборник все, где есть поэзия, к какой бы школе ни принадлежал их автор. Придерживаясь этого *духа* прежних „Северных Цветов“, освященных близким участием Пушкина, мы не нашли нужным подражать их внешности. Маленький формат, мелкая печать (петит) и т. п., бывшее обычным в альманахах Пушкинского времени, были бы совершенно излишним затруднением для современного читателя. Впрочем, мы рады, что обложку к нашему изданию любезно взял на себя исполнить художник К. Сомов, который так прекрасно передает дух наших 20-х и 30-х годов. Все виньетки воспроизведены из изданий того же времени»¹¹. Внепартийный пафос упрочен следующей книгой: «Издатели „Северных Цветов“ на 1902 год настаивают на отсутствии всякой партийности в выборе материала. Они полагают, что Не-

красов, Тургенев, Фет, не говоря уже о Пушкине, — такие замечательные деятели в литературе, что все написанное ими представляет ценность и любопытность. Издатели не видели затруднения поставить рядом с письмами И. С. Тургенева рассуждения А. Фета и поместить у себя статью А. Волынского, критически относящуюся к поэтам, особенно участвующих в изданиях „Скорпиона“ <...>. Авторы сами отвечают за себя — вот взгляд издателей „Северных Цветов“. Искренно высказанное мнение, новое и сознательное, имеет право быть выслушанным»¹².

В советское время литературный журнал и альманах были умело разведены по разным сегментам литературно-журналистского процесса. Журналы репрезентировали магистральную линию в развитии последнего (мейнстрим), а за альманахами была закреплена по преимуществу общественная функция информационного сопровождения многонациональных советских литератур, а также деятельности небольших производственных литературных объединений (создаваемых на заводах, в воинских соединениях и т. п.).

С распадом СССР именно «толстый» литературно-художественный журнал стал наиболее ощутимо не востребован постсоветским обществом. В статье Е. Ю. Скарлыгиной, посвященной «Знамени», — одному из ключевых для типологической группы «толстых» литературно-художественных ежемесячников, прослеживается эволюция журнала на переломном этапе 1990-х годов. Как точка отсчета выделяются 1989 и 1990 годы,

когда «тираж достиг миллионного рубежа, увеличившись по сравнению с 1986 годом в четыре раза. Это было уникальное время в истории „толстых“ литературно-художественных изданий: их выписывал и читал массовый, а не только просвещенный и интеллигентный читатель»¹³. Далее, в связи с ухудшением экономической ситуации и распадом СССР, наступает «провальный» для всех «толстых» литературно-художественных журналов 1992 год, сопровождающийся обвальным падением тиражей. Это обстоятельство привело к изменению редакционной политики и стремлению к бóльшей оперативности в обозрении литературного «сегодня». При этом главный редактор «Знамени» (преобразованном в 1933 г. из журнала «ЛОКАФ» («Литературное объединение Красной Армии и Флота»)) С. И. Чупринин подчеркивал, что литературные журналы «ощущают себя в последние годы не столько средствами массовой информации, сколько учреждениями (если угодно, даже заповедниками) культуры, чье место в одном ряду не с газетами и телевидением, а с консерваториями, театрами, художественными галереями»¹⁴. Иными словами, литературная журнальная периодика утрачивает связь собственно с журналистикой, сближаясь по этому показателю с альманашным типом.

Новейшая ситуация такова, что литературный журнал по формально-содержательным признакам все больше приближается к альманашному формату, одновременно переходя в глянец. Пример последнего — такой качественный и одновременно коммерциализи-

рованный журнал, как «Сноб», воплощающий базовую модель «литературного журнала с направлением». Смещение типологических структур журнала и альманаха может быть конструктивным, если оно заложено в концепции издания, что нередко сознательно делается издателями-редакторами. Так, выходящий с 2003 года в Петербурге «тонкий» «Невский альманах. Журнал писателей России», издающийся за счет государственной субсидии, на уровне идентификационного образца демонстративно соотносен с «Невским альманахом» пушкинской поры, воплощавшим «срединную линию» в развитии литературы.

Проблематичность выживания классических «толстых» журналов в современных условиях, помимо чисто рыночного фактора, определяется утратой литературой своей миссианской роли и общественного авторитета, слабостью критики, общим моральным устареванием самого «толстожурнального» типа. Государство предпринимает шаги по поддержке «толстых» журналов (одна из последних инициатив: проект введения обязательной подписки), однако системно ситуацию пока не удастся переломить. Впрочем, современные исследования говорят об устойчивости и «выживаемости» «толстого» журнала¹⁵. Новейшая судьба альманаха внушает осторожный оптимизм: альманахи активно развиваются в регионах как краеведческие издания, они по-прежнему выступают наиболее востребованным и адекватным типом для репрезентации творческой активности начинающих авторов, а также неболь-

ших творческих объединений. Помимо преимуществ, определяемого такими типологическими свойствами, как мобильность и протеистичность, альманах конкурентоспособен особого рода внеидеологичностью. Исторически не будучи ограничен требованиями выступать идеологическим рупором, альманах предоставляет площадку для высказывания совершенно разных позиций, что — в условиях «партийности» современной прессы — актуализирует на новом историческом витке консолидирующие возможности альманашного типа.

Если основываться на общекультурных позициях, то можно говорить о том, что благодаря некоей содержательной имплицитности альманаху на всех этапах его эволюции удастся сохранять свой потенциал. В то же время текущий литературный процесс отличает локализованность, что отражает утрату литературой своих позиций на уровне общественно института. Отсюда вытекает то обстоятельство, что на основе обращения даже к авторитетным образцам журнально-альманашной периодики сложно составить целостное представление о литературном сегодня.

Примечания

- ¹ См., напр., такие работы Бахтина, как «Эпос и роман (О методологии исследования романа)», «Из предыстории романного слова» (*Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. М., 1986).
- ² *Орлов В. Н.* Николай Полевой — литератор тридцатых годов // Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / ред., вст. ст. и коммент. Вл. Орлова. [Л.], 1931. С. 39.

- 3 *Тынянов Ю. Н.* Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- 4 *Гирченко И. В.* «Мнемозина» (Московский литературно-художественный альманах В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского) // Декабристы в Москве / под ред. Ю. Г. Оксмана. М., 1963. Вып. 8. С. 153, 152.
- 5 *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: история альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 60; *Степанов Н. Л.* Критика и журналистика декабристского движения // Очерки по истории русской журналистики и критики: в 2 т. Т. 1: XVIII век и первая половина XIX века. Л., 1950. С. 219–221.
- 6 Подробнее об этом см.: *Балашова Ю. Б.* Эволюция и поэтика литературного альманаха как издания переходного типа. СПб., 2011.
- 7 *Лихачев Д. С.* Барокко в русской литературе XVII века // Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб., 2001.
- 8 См.: *Смирнов И. П.* Мегаистория: к исторической типологии культуры. М., 2000.
- 9 См. об этом: *Лавров А. В., Максимов Д. Е.* «Весы» // Русская литература и журналистика XX века: 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания / отв. ред. Б. А. Бялик. М., 1984. С. 65–66, 107.
- 10 Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1901. С. 168.
- 11 Там же.
- 12 Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1902.
- 13 *Скарлыгина Е. Ю.* Журнал «Знамя» на переломе (1991–1997 гг.) // Журналистика в переходный период: проблемы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 23–25 октября 1997 г. М., 1998. С. 102.
- 14 Там же. С. 105.
- 15 *Воробьева Е. И.* Толстые журналы как системообразующий фактор в поле современной литературы // Вестник С.-Петербур. гос. ун-та. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. Вып. 4.

Т. И. Галкина

«Я дал себе клятву никогда не участвовать ни в каком журнале»

Гоголь и московские журналы

Отношение Гоголя к издательскому делу отчетливо проявилось в его письме из Парижа М. П. Погодину от 28 ноября 1836 года, написанного, когда Погодин уже задумывал свой журнал, будущий «Москвитянин»: «Я не одобряю предприятия твоего издавать журнал... Дело журнала требует более или менее шарлатанства. Посмотри, какие журналы всегда успевали! Те, из которых издатели шли, очертя голову, на пролом всему, надевши на себя грязную рубаху ремесленника, предполагая заранее, что придется мараться и пачкаться без счету»¹.

Это писалось спустя полгода после выхода первого номера «Современника», где появилась нашумевшая гоголевская статья «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», не оставившая камня на камне от русских журналов.

Галкина Татьяна Ивановна — заведующая Музеем-дачей А. С. Пушкина. Автор ряда научных статей, книг «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина в Царском Селе» (1998), «Отечество нам Царское Село» (совм. с Л. Б. Михайловой, С. В. Павловой, 2003). Сфера научных интересов: творчество Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого.

«Я дал себе клятву никогда не участвовать ни в каком журнале»

Причем две трети статьи Гоголь отвел «Библиотеке для чтения», помиловав для нее даже «Северную пчелу», правда, мимолетно ругнув ее «корзиной, в которую сбрасывал всякой все, что ему хотелось» (8, 162). Но весь сарказм, все презрение досталось именно «Библиотеке», которая совсем недавно издевалась над его «Арабесками», ехидно сравнивая Гоголя с Гете, тоже дорожившим каждым своим написанным клочком. (Можно только предполагать, сколь «приятно» было читать Гоголю тексты маменьки, с наивной откровенностью писавшей обожаемому сыну, что, видно, сочинения барона Брамбеуса, которые ей так нравятся, принадлежат ему, но только он скрывает свое авторство.)

Не заслужил одобрения и «Телескоп», несмотря на то, что совсем недавно там появилась восславившая Гоголя статья Белинского. Упреки заключались в том, что «Телескоп» недостаточно сильно действует против Сенковского, собравшего уже 5 тысяч подписчиков. Досталось и созданному в 1835 году «Московскому наблюдателю», при появлении которого Гоголь даже называл его «наш журнал» и давал советы его основателям, своим московским друзьям, как при его помощи «оттянуть привал черни к глупой Библиотеке» (11, 341). Именно для этого журнала Гоголь стал обрабатывать начатую им полтора года назад повесть «Нос»².

Однако к советам Гоголя основатели журнала (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, С. П. Шевырев, Н. М. Языков, М. П. Погодин) прислушивались мало. Гоголь советовал «пустить его (журнал. — Т. И.) как можно

по дешевой цене», между тем журнал стал выходить роскошным изданием на велюровой бумаге типа салонных альманахов. Писатель справедливо считал, что стоявший во главе журнала должен быть «видным лицом», — редактором же «Московского наблюдателя» был назначен совершенно не известный публике В. П. Андросов, в недавнем прошлом сотрудник «Московского вестника».

А главное, что возмущало Гоголя, — это медлительность и неумение его издателей вести дело. «Мерзавцы вы все московские литераторы. С вас никогда не будет проку. Вы все только на словах, — пишет он М. П. Погодину 20 февраля 1835 года. — Как! затеяли журнал, и никто не хочет работать! <...> Вы посмотрите, как петербургские обделывают свои дела. <...> Признаюсь, я вовсе не верю в существование вашего журнала более одного года» (10, 353). Гоголь ошибся не намного: в 1837 году журнал прекратит свое существование, хотя его очевидный провал выяснится уже с третьей-четвертой книжки. (Правда, еще в 1837–1839 гг. «Московский наблюдатель» будет держаться с обновленным составом сотрудников и неофициальным редактором В. Г. Белинским, но к этому журналу Гоголь уже не будет иметь никакого отношения).

В 1841 году, когда Гоголь заканчивает отделку первого тома «Мертвых душ», начинает выходить журнал «Москвитянин», издатель которого М. П. Погодин изначально сделал ставку на Гоголя, ясно осознавая зависимость авторитета своего издания, его читательского и коммерческого успеха от участия в нем писателя.

«Я дал себе клятву никогда не участвовать ни в каком журнале»

Отношения Гоголя с Погодиным к началу выхода «Москвитянина» насчитывают уже десятилетний стаж и отличаются безусловной близостью даже на бытовом, житейском уровне. Весной 1839 года они вместе жили в Риме; осенью того же года в одном экипаже приехали в Москву. Гоголь жил в доме Погодина на Девичьем Поле; в декабре 1839 года вместе с сестрами, позднее — вместе с матерью. Не раз останавливался писатель у Погодина и в последующие приезды в Россию.

Несмотря на присущее Погодину эстетическое чувство, позволившее ему осознать масштаб дарования Гоголя, о котором он после «Миргорода» говорил как о «таланте первоклассном», Погодин все же был чисто земной человек, не очень считавшийся с особым устройством художнической натуры. Он постоянно оказывал Гоголю разнообразную практическую помощь: Гоголь был ему должен, жил на его средства за границей, Погодин также доставал бумагу для «Мертвых душ» и потому считал Николая Васильевича обязанным себе и требовал печататься только у него. В какой-то степени надежды Погодина были подогреты самим Гоголем, еще в 1839 году недвусмысленно обещавшим в будущем издании не только собственное сотрудничество, но и сестер, которые будут переводить и «работать» для журнала (письмо Погодину от 4 декабря 1839 г. — 11, 261). Но ни сестрам Гоголя, только что выпущенным из Патриотического института, ни самому Гоголю в это время было не до журнала. За прошедшие два-три года психологическое состояние писателя, его творческие

планы, а также его отношение к современной журнальной борьбе существенно изменились. Еще в 1836 году он писал из Парижа Погодину: «Не тревожь меня мелочными просьбами о статейках: я не могу и не в силах заняться ими <...> я мертв для текущего» (11, 77). А когда С. Т. Аксаков осмелился попросить «прислать что-нибудь в журнал Погодина», Гоголь ответил, что одна мысль о необходимости заниматься ежедневным журнальным «дрязгом» нагнала на него «тоску и мучительное состояние» (письмо С. Т. Аксакову от 18 марта 1841 г. — 11, 332). Эта тема была для него не только неприятной, но просто неприемлемой. С досадой и обидой воспринял Гоголь вопрос Погодина, не хочет ли он вместо объявления о выходе «Мертвых душ» поместить одну или две главы поэмы в «Москвитяине». Отношения их обострились до такой степени, что, живя под одной крышей, они целыми дня не разговаривали, обмениваясь короткими записками. Писал в основном Погодин, настойчиво задавая Гоголю один и тот же вопрос, нет ли у него чего-нибудь для очередной книжки «Москвитянина», и, как правило, получая в ответ единственное слово «ничего». Такой же запиской, доставленной лакеем, Погодин сообщил о рождении сына, будущего крестника Гоголя.

Тем не менее совсем без участия Гоголя погодинский журнал не остался. В третьем номере за 1842 год появилась повесть «Рим», в четвертом — отрывок из письма Гоголя Пушкину, написанного вскоре после премьеры «Ревизора» и оставшегося неотправленным³. Еще раньше, в 1841 году (№ 5, 6), без разрешения Гоголя Пого-

«Я дал себе клятву никогда не участвовать ни в каком журнале»

дин поместил сцены из 2-й редакции «Ревизора». На предупреждение Аксакова, что Гоголь рассердится, Погодин отвечал: «Да, помилуйте, Сергей Тимофеевич, что я в самом деле за козел искупления? Неужели можно предполагать, что он скажет: пришли и присылай, бегай и делай, и не смей подумать об одном шаге для себя? Да если бы я изрезал в куски „Ревизора“ и рассовал его по кускам своего журнала, то и тогда Гоголь не должен был сердиться на меня»⁴. На что С. Т. Аксаков, оказывавший Гоголю не меньше услуг, сухо отвечал Погодину: «Я только советовал вам не делать того, чего бы сам не сделал... Чем более мне обязан человек, тем менее я позволяю себе без его воли распоряжаться его собственностью...»⁵.

Окончательно отношения Гоголя с журналом и его издателем испортились в 1844 году, когда Гоголю стало известно о самовольной публикации Погодиным его литографированного портрета работы А. А. Иванова («Москвитянин». 1843. № 11. Ноябрь). Гоголь утверждал, что по милости Погодина его выставили для потомков в крайне невыгодном свете: «неряхой, в халате, с длинными взъерошенными волосами и усами <...> забулдыгой» (письмо С. П. Шевыреву от 2 декабря 1844 г. — 12, 393). Шевырев пытался успокоить Гоголя, утверждая, что его портрету, «даже и не так удачному, радо молодое поколение»⁶. «Один студент, правда, просил меня подарить ему твой портрет особо, потому что он желал украсить им свою комнату. Другие студенты вырвали портрет из того экз[земпляра] „Москвитянина“, который он

читают»⁷. «Ведь я не знал, что меня будут выдирать из журналов», — с грустью отвечал Гоголь Шевыреву (12, 393). Пытаясь польстить автору «Мертвых душ», Погодин уверял его, что «в натуре, без комплиментов», он «лучше, чем на портрете», в качестве последнего аргумента ссылаясь на то, что «если государь Николай Павлович не сердится на свои дурные портреты, то зачем же оскорбляться твоему литературному величеству?»⁸

«Литературное величество», несмотря на все свои претензии к издателю «Москвитянина», тем не менее не переставал интересоваться журналом, в котором, кроме всего прочего, появились самые значительные, за исключением статьи Белинского⁹, отзывы о «Мертвых душах». В 1842 году (№ 7, 8) была напечатана большая статья С. П. Шевырева «Похождения Чичикова, или Мертвые души», в которой Чичиков был объявлен героем нашего времени, Ахиллом, своего рода гением предпринимательства, что соответствовало истине.

Для «Москвитянина» К. С. Аксаков написал свою знаменитую статью «Несколько слов о поэме Гоголя „Похождения Чичикова, или Мертвые души“», в которой Гоголь как творец современного эпоса сравнивался с Гомером (в конечном итоге по инициативе С. П. Шевырева статья была отвергнута и в том же 1842 г. напечатана отдельной брошюрой).

Заполучить к себе Гоголя пытался не только Погодин. «Отечественные записки» прилагали большие усилия, чтобы Гоголь бросил Погодина и «Шевыревку»

«Я дал себе клятву никогда не участвовать ни в каком журнале»

(так Белинский называл Шевырева); Плетнев «ради тени Пушкина» усиленно просил дать хоть что-то для осиротевшего «Современника». Гоголь послал Плетневу вторую редакцию «Портрета» (повесть была напечатана в третьем номере «Современника» за 1842 г.), а «Отечественным запискам» не дал ничего. Жертвовать своими произведениями, публикуя их в журналах, Гоголь не мог. Он должен был печатать их отдельно, «чтобы иметь доход», а главное, он «не вполне разделял идеи» (10, 436) своих литературных приятелей-журналистов (письмо А. О. Смирновой от 28 декабря 1844 г.). В «журнальном дрязге» он не собирался принимать ничью сторону: сторона у него была другая — своя.

Примечания

- ¹ *Гоголь. Н. В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. Б. м.: АН СССР, 1952. Т. 11. С. 76. — Далее при ссылках на это издание в тексте указываются том и страница.
- ² Повесть «Нос» была отклонена редакцией «Московского наблюдателя», напечатана в «Современнике» (1836. № 3. Октябрь).
- ³ До сих пор это письмо Гоголя не печатается вместе с девятью известными письмами Гоголя к Пушкину.
- ⁴ Цит. по: *Барсуков. Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 6. С. 230.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Переписка Н. В. Гоголя: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 305.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Переписка Н. В. Гоголя. Т. 2. С. 305.
- ⁹ Статья В. Г. Белинского «Похождения Чичикова, или „Мертвые души“» напечатана в «Отечественных записках» (1842. № 7)

М. Ю. Степина

**О редакционно-критической позиции
Н. А. Некрасова в 1850-е годы
(на примере публикаций
Е. П. Ковалевского)**

В данной статье речь пойдет о позиции Н. А. Некрасова как редактора в контексте истории литературного журнала 1850-х годов. В этот период широко известны публикации Е. П. Ковалевского (1811–1868), посвященные Крымской войне и упоминаемые в «Современнике». Б. В. Мельгунов, исследуя деятельность военных корреспондентов¹, рассматривает сотрудничество журнала с М. А. Ливенцовым, П. П. и Н. П. Сокальскими (последний был собирателем солдатских рассказов) и, наконец, с Л. Н. Толстым. О деятельности и публикациях Ковалевского нет ни слова.

Степина Мария Юрьевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Участник изданий академического Полного собрания сочинений и писем Н. А. Некрасова, «Летописи жизни и творчества Н. А. Некрасова», организатор Некрасовских конференций, Некрасовских чтений в Пушкинском Доме, Панаевских чтений, член редколлегии Некрасовского сборника. Автор воспоминаний, нескольких десятков статей, экскурсии «Н. А. Некрасов в Санкт-Петербурге». Сфера научных интересов: анализ индивидуальной поэтики, биографика, анализ памятников мемуарного жанра.

Егор Петрович Ковалевский² — горный инженер, геолог, путешественник, востоковед, историк, дипломат, общественный деятель и писатель, один из основателей Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда) и его председатель до самой своей смерти. При обществе имелся капитал его имени, и проценты с него шли на стипендии учащимся. Он был приятелем многих крупных писателей, корреспондент Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, ходатай по их делам, благодетель «малых» писателей, о которых его просили, гость на обедах Некрасова в квартире на Литейном, 36.

Ковалевский с юности писал стихи, драмы, романы, выпускал их отдельными изданиями и публиковался в «Библиотеке для чтения» и «Отечественных записках». Но критика не относила эти опыты к серьезным событиям литературы, хотя огромный багаж лично увиденного и прожитого, обширный кругозор, живой язык все-таки по праву обеспечили Ковалевскому репутацию писателя.

Славу и публичное признание мастера повествования и открывателя нового ему принес жанр путешествий, в котором Ковалевский выступал много и охотно³. Опуская известные хвалебные критические отзывы, упомянем лишь, что знаменитое «Путешествие во внутреннюю Африку» (вначале печатавшееся в «Современнике»⁴ и в 1849 году вышедшее отдельным изданием⁵) содержало сочувственные высказывания в адрес коренного населения абиссинцев, и вопрос об их раб-

стве, вызывающий ассоциацию с российским крепостным правом, прозвучал очень громко.

Обратимся к публикации Ковалевского на страницах «Современника». В майской книжке за 1856 год раздел «Смесь» замыкает разрешенная наконец «Хроника военных событий», а открывающий журнал раздел «Словесность» заключает «Бомбардирование Севастополя. Из 2-й части „Истории войн 1853, 1854 и 1855 годов“»⁶. Отметим, что в этой, предыдущей и следующей книжке появляется ряд очень значимых литературных и критических выступлений. В майской книжке (№ 5) — стихотворения Некрасова «В черный день» («Поражена потерей невозвратной...») и «Петербургское утро. Отрывок» («Мы все привыкли любоваться...»), а также его «Заметки о журналах. Апрель 1856» — цикл, в котором Некрасов как литературный критик и редактор литературного журнала обращается к актуальнейшим вопросам современной литературы, но уже не в традициях фельетонной критики, в которых он писал в 1840-х годах. В этом же номере опубликованы «Два гусара» Льва Толстого, а также статья Н. Г. Чернышевского об издании стихотворений А. В. Кольцова, снабженном статьей В. Г. Белинского о его жизни и творчестве; возобновлен разговор о критериях литературной критики и о наследии Белинского, упоминания о котором долгие годы были под запретом. В июньской книжке (№ 6) вышел «Секрет. Рассказ пластуна» С. Полянского (в литературной обработке Н. П. Сокальского)⁷, а в апрельской (№ 4) — в его же

О редакционно-критической позиции Н. А. Некрасова в 1850-е годы

литературной обработке рассказ Гончарова «Эпизод из обороны Севастополя. Рассказ рядового Минского полка»⁸.

Таков контекст к публикации Ковалевского, посвященной великому событию современности, которое Некрасов сравнит с обороной Трои: «Мы решительно утверждаем, что только одна книга в целом мире соответствует величию настоящих событий — и эта книга „Илиада“ <...> Многие даже из образованного класса гораздо более уважают „Илиаду“ по преданию, нежели любят читать ее. Если эти люди и в настоящее время не поймут величия ее, то с сожалением скажем, что значение ее навсегда останется для них закрытым»⁹. Той душевной зоркости, о которой пишет поэт, критик и редактор литературного журнала, служат как ставшие классическими произведения художественной литературы, так и близкие к репортажу свидетельства рядовых участников исторических событий, записанные и донесенные более опытными в деле слова слушателями; как критические разборы, так и военная аналитика, примером чему была публикация Ковалевского.

Ковалевский был награжден медалью за защиту Севастополя. Он находился в Севастополе с марта 1855 до октября и был вынужден покинуть город из-за болезни тифом. В июне того же года он знакомится с Л. Н. Толстым, о чем есть запись в дневнике Толстого от 27 июня 1855 года: «Был в Бахчисарае, читал Ковалевскому Вес<еннюю> Ночь, которой он остался очень доволен»¹⁰.

Но «Бомбардирование Севастополя...» писал не просто очевидец участник событий, хотя для Некрасова-редактора это было важно. В «Заметках о журналах» Севастополь вообще является сквозной темой, и здесь уместно вспомнить, как писал Некрасов по поводу «Севастопольских писем» Н. В. Берга: «Сколько необходимо и важно сохранение даже самых мелких подробностей обороны Севастополя, столько же не нужно сохранение подобных виршей, в которых не только нет ничего хорошего, но даже есть нечто неприятное, в особенности бестактное»¹¹. Здесь литературное произведение оценивается критиком с позиций, когда эстетическое достоинство («хорошее») служит этическому чувству (несет «неприятное, в особенности бестактное» либо предохраняет от бестактности). И этими «мелкими подробностями» насыщена предыдущая критическая статья Некрасова, в которой он подробно пересказывает и комментирует статью Берга «Десять дней в Севастополе»¹².

Егора Петровича Ковалевского — ни его самого, ни его труды — Некрасов не упоминает. О публикации в «Современнике» «Бомбардирования Севастополя» упоминает Н. Г. Чернышевский в рецензии на книгу В. М. Аничкова «Военно-исторические очерки Крымской экспедиции». Повествование Аничкова «не заменяет прагматической истории Крымской экспедиции и только заставляет с большим нетерпением ожидать появления в свет сочинения, которым занимается генерал Е. П. Ковалевский»¹³. Отрывок из этой истории, по-

мещенный недавно в „Современнике“, показывает, что г. Ковалевский обогатит нашу военную литературу книгою, в высшей степени замечательною, как по обилию и достоверности фактов, так и по высокому достоинству изложения»¹⁴.

Это — не только критическое суждение о книге Ковалевского (и в известной мере о журнале) и не только анонс этой будущей книги. Это — оценка ситуации, которая сложилась вокруг труда Ковалевского и которая наверняка была известна Некрасову. Ситуация с книгой Ковалевского была сложной. М. Д. Горчаков, ознакомившись с этим объемным трудом, отозвался о нем так: «Но, как при этом, с одной стороны, необходимо исключить вовсе политическую часть, неудобную к напечатанию при настоящих обстоятельствах, отчего сочинение лишилось бы многих своих достоинств, с другой же стороны, военная часть одного обнимает только краткий период войны, то может быть было бы лучше ограничиться изданием отрывков — как то уже начато — с тем, чтобы прекрасный труд сей хранить в целости до тех пор, пока обстоятельства позволят издать его в полном объеме»¹⁵.

«Вся политическая часть» действительно была спорной для широкого обсуждения. Севастополь рассматривался Ковалевским — и впоследствии отечественными историками — как этап общей политики России, и Ковалевский в своем историческом труде стремился подытожить свой опыт дипломата и оценить перспективы сотрудничества России со славянским миром. Поэтому

внимательный читатель его трудов, в особенности поздних, мог составить представление о системе его взглядов, охватывающей очень серьезный (даже с точки зрения живущих в XXI веке) круг проблем.

В 1838 году Ковалевский по просьбе правителя Черногории был командирован туда как геологоразведчик, для поисков и разработки золотоносных отложений. Там ему пришлось участвовать в боевых действиях и организовывать производство пороха: как отмечает С. А. Никитин, «бедная военными ресурсами страна была вынуждена переплавить на пули типографские шрифты, использовать церковные книги на производство патронов»¹⁶. Впечатления о стране и легли в основу его книги «Четыре месяца в Черногории». В 1851 года Ковалевский вновь ездил в Черногорию, а в начале 1853 года был отправлен туда из Петербурга со специальной миссией¹⁷. «В данной Ковалевскому инструкции, — отмечает С. А. Никитин, — так формулировалась его задача: „...Успокоить, насколько возможно, умы, советовать сдержанность и осторожность и помешать жестокостям в бесполезных репрессиях, делающим борьбу лишь кровопролитнее, а умиротворение труднее“»¹⁸.

Столкновения Черногории с Турцией рассматриваются Россией как возможность усиления своего влияния. От активных действий велено было воздерживаться, соблюдая тактику выжидания. При этом правительство, которое «делало Ковалевского эмиссаром не только в Черногории, но и в примыкающих областях — в Боснии и Герцеговине», ставит перед

ним задачу: «восстание готовить, но не начинать»¹⁹. Эту сложную, двойственную ситуацию Ковалевский удерживал достаточно долго: «Отсутствие поддержки со стороны соседних балканских народов, позиция Австрии, непрерывно угрожавшей репрессиями в случае вспышки восстания, постоянное приглушение самим же Ковалевским создаваемого возбуждения — все это вело к возникновению крайне тяжелой и путаной обстановки. <...> Бесплезному метанию Ковалевского был положен конец летом 1854 г., когда отношения с Австрией стали еще более острыми и закончились предъявлением 4 (16) июля требования о выводе русских войск из княжеств. Тогда же Ковалевский был отозван из Черногории»²⁰.

В 1854 году в «Современнике» появилась статья Ковалевского, посвященная правителю Черногории Петру Негошу. О ней тоже отозвался Чернышевский в «Отечественных записках»: «Из оригинальных статей „Современника“ лучшая „Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие затем события“ Ковалевского. Геройское мужество черногорцев, которое в последнюю войну их с Омер-пашою проявилось едва ни не с большим блеском, нежели когда-нибудь, придает важность ничтожному клочку бесплодной земли, населенной горстью людей»²¹. «Несмотря на то, что после статьи Ковалевского появились монографии о П. П. Негоше, написанные Лавровым, Ровинским, Медаковичем и многими другими авторами, — подчеркивает Б. А. Вальская, — работа Ковалевского не потеряла своего интереса

до настоящего времени как одна из первых биографий Негоша, написанная по личным впечатлениям»²². Этот труд Ковалевского имел и литературное значение: «Егор Петрович считал его наиболее выдающимся сербским поэтом, „поэтическое настроение“ которого „развили и образовали“ Державин и Пушкин. Ковалевский высоко ценил <...> его труды в области развития культуры и образования в этой отсталой стране»²³.

Отдельные главы из книги Ковалевского «Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853–1854 гг.»²⁴ публиковались в «Отечественных записках» (1856. № 11) после отъезда Ковалевского из Севастополя. Полностью книга вышла только в 1868 году.

Местам службы Ковалевского уже в должности директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел (Босния, Герцеговина, Косово) суждено было стать так называемыми горячими точками геополитических, религиозных, языковых, культурных интересов в мировой истории. Его взгляд был взглядом дипломата, побывавшего в боевых действиях, и государственного деятеля, послужившего на разных поприщах и умеющего не только взглянуть «сверху» на общую картину, но и судить о перспективах событий. Это могло быть учтено читателем более опытным, образованным и самостоятельно мыслящим, а также способствовать развитию кругозора и мышления у менее подготовленного читателя. Именно так оценивал деятельность Ковалевского и его литературные труды редактор «Современника» Некрасов.

Редакционная политика Некрасова выражена им в нескольких суждениях. Например, в «Заметках о журналах...» он так высказывается по поводу книги П. Н. Кудрявцева о Данте: «Да, любезные читатели, вы, может быть, не поверите мне, но я еще очень живо помню время <...> когда <...> с схоластическим величием смотрел ученый на популяризацию науки. Взгляд на литературу как на самый могущественный проводник в общество идей образованности, просвещения, благородных чувств и понятий не приходил в голову этим, впрочем, почтенным и достойным людям, полагавшим, что наука, высказываемая не с университетской кафедры, теряет уже достоинство науки»²⁵. Сходную мысль Некрасов высказал в «Заметках о журналах за март 1856 года», открыв критическую статью цитатой графа Д. Н. Блудова по случаю назначения его президентом императорской Академии наук и размышлениями по этом поводу: «Приближение науки к обществу составляет одну из самых живых и важных потребностей нашего времени. <...> Литературные журналы, которые теперь служат посредниками между наукою и массою публики, будучи предприятиями частных людей, располагающих только незначительными и нравственными и материальными средствами, представляют недостаточные органы для быстрого распространения в обществе знакомства с сокровищами всемирной литературы, для распространения <...> „и вкуса к познанию и самих познаний“»²⁶.

Как редактор литературного журнала Некрасов, безусловно, стремился найти и опубликовать подлинно ху-

дожественные современные произведения, в том числе в жанре рассказа, пробудить интерес к новым персонажам (солдат), авторскому «я» (рассказчик), к записыванию и публикации устных солдатских историй. Публикации произведений Ковалевского поднимали вопрос о возможных будущих путях развития отечественной истории — военной, промышленной, культурной, религиозной, языковой, — важность которого подтвердил дальнейший ход истории. И это еще раз свидетельствует о стратегии Некрасова-редактора и его интуиции, а также объясняет его решение впоследствии объединить разделы «Словесность» и «Науки и художества» в журнале «Современник».

Примечания

- ¹ См.: *Мельгунов Б. В.* Некрасов-журналист (Малоизученные аспекты проблемы). Л., 1989. С. 223–237.
- ² Подробнее см.: *Баскаков В. Н.* Ковалевский Егор Петрович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. Г–К. С. 576–577. Он приходился братом Евграфу Петровичу Ковалевскому (1797–1867), горному инженеру по образованию, впоследствии представителю высшей администрации (занимал пост министра народного просвещения и председателя Главного управления цензуры и др.), общественному деятелю.
- ³ *Ковалевский Е. П.* 1) Четыре месяца в Черногории; с рис. и картой. СПб., 1841; 2) Странствователь по суше и морям: в 3 ч. СПб., 1843–1845; 3) Путешествие в Китай: в 2 ч. СПб., 1853; 4) Путевые записки о славянских землях // Русская беседа. 1858. № 1; 1859. № 5.
- ⁴ Современник. 1848. № 12; 1849. № 2.
- ⁵ *Ковалевский Е. П.* Путешествие во внутреннюю Африку. СПб., 1849; 2-е изд. — 1872.
- ⁶ Современник. 1856. № 5. Разд. I. Словесность. С. 143–162.
- ⁷ Там же. № 6. Разд. I. Словесность. С. 267–280.

- ⁸ Там же. № 4. Разд. V. Смесь. С. 195–200.
- ⁹ *Некрасов Н. А.* Осада Севастополя, или Таковы русские. Москва, 1855. Впервые: Современник. 1855. № 8. Отд. IV. С. 33–41, без подписи. Цит. по: *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л., 1990. Т. 11, кн. 2. С. 128, 133.
- ¹⁰ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1947. Т. 3. С. 560.
- ¹¹ *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 11, кн. 2. С. 199.
- ¹² Некрасов завершает ее словами: «Каков бы ни показался вам случайный наш голос, раздавшийся среди привычных и, быть может, более приятных вашему сердцу голосов, мы просим вас думать, что этот голос принадлежит людям, горячо любящим свою литературу и еще более свое отечество...» (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 11, кн. 2. С. 162).
- ¹³ В 1855 г. Ковалевский по поручению М. Д. Горчакова написал «Историю войн 1853, 1854 и 1855 годов».
- ¹⁴ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М., 1937. Т. 3. С. 560. Впервые: Современник. 1856. № 8. Отд. IV. Библиография. С. 36–37.
- ¹⁵ Цит. по: *Вальская Б. А.* Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М., 1956. С. 165–166.
- ¹⁶ *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 111.
- ¹⁷ Сохранилась записка его секретаря в этой поездке, Николай Дмитриевича Ступина, «Из путевых заметок», адресованная В. П. Титову, в которой описано их пребывание в Черногории и цели поездки Е. П. Ковалевского (РО РНБ. Ф. 356. Архив Е. П. Ковалевского. Ед. хр. 434. 13 л.).
- ¹⁸ *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян... С. 114.
- ¹⁹ Там же. С. 127.
- ²⁰ Там же. С. 130–131.
- ²¹ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 47.
- ²² *Вальская Б. А.* Путешествия... С. 38.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Ковалевский Е. П.* Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853–1854 гг. СПб., 1868; немецкий пер. Chr. von Sargauw, Лейпциг, 1868.
- ²⁵ *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем Т. 11, кн. 2. С. 150–151.
- ²⁶ Там же. С. 240–241.
- Любопытно отметить, что Ковалевский посвятил Д. Н. Блудову отдельную книгу «Граф Блудов и его время» (СПб., 1866).

О. С. Кругликова

Историческая тематика на страницах «Русского вестника» 1860–1870-х годов

Шестидесятые годы XIX века — время эволюции толстого журнала в типологической картине русской прессы. Доминирующее значение, свойственное русскому толстому энциклопедическому журналу в предшествующий период, теперь переходит к газете, а толстые журналы в некоторых случаях (как, например, в контексте издательской деятельности А. А. Краевского, М. Н. Каткова) становятся частью издательского конгломерата и занимают в нем второстепенное положение. Журнал «Русский вестник» с момента аренды Катковым в 1863 году ежедневных «Московских ведомостей» стал частью «трио», ведущую партию в котором вела ежедневная газета. Исследователь Л. М. Макушин в своей статье «Департамент Каткова» отмечает, что Каткову удалось создать слаженную идеологиче-

Кругликова Ольга Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского университета. Автор многочисленных научных публикаций. Сфера научных интересов: история русской журналистики консервативного направления, журналистская и общественная деятельность М. Н. Каткова, Н. П. Гилярова-Платонова, Ф. М. Достоевского, В. В. Розанова и др.

Историческая тематика на страницах «Русского вестника» 1860–1870-х годов

скую машину, в которой каждое издание выполняло свой политический маневр в контексте общей пропагандистской кампании¹. Однако, несмотря на это несомненно справедливое утверждение, Макушин не поясняет на конкретных примерах, какой именно маневр выпадает на долю «Русского вестника». Проанализировать роль журнала в пропагандистской деятельности Каткова можно на примере помещенных в нем публикаций на исторические темы.

История постоянно присутствовала на страницах «Вестника», но характер ее представления ощутимо менялся. В самом начале издания, в 1856–1857 годах, публикации по русской и всемирной истории были представлены широко, но довольно бессистемно. В первых книжках журнала не менее трети общего объема отводилось историческим трудам, рецензиям на историческую литературу и исторической полемике. Доминирующее положение имели работы С. М. Соловьева, Т. Н. Грановского, Б. Н. Чичерина, И. К. Бабста, П. К. Щебальского и др. Но выделить какую-то содержательную общность, идейную доминанту в этих материалах не представляется возможным: рассказ о Древней Руси соседствует с историей Карла V и повествованием о традициях жителей Океании, перемежаясь главами истории суворовских войн. Относительно напряженный в политическом отношении диалог возник по вопросу о происхождении русской общины: С. М. Соловьев и Б. Н. Чичерин отстаивали концепцию родового быта против постепенно вызревавшей в недрах славянофильской доктрины идеи задружно-общинного быта. В остальном же историче-

ская тематика до 1863 носила характер общепросветительского занимательного чтения и была данью традиции русского энциклопедического журнала, всегда несколько эклектичного. Впрочем, здесь необходимо отметить и коллегиальный характер управления журналом в это время.

В 1863 году М. Н. Катков становится арендатором «Московских ведомостей», и «Русский вестник» обретает другой статус и другие функции. Катков был прежде всего политическим журналистом и любой вопрос рассматривал с точки зрения его соотнесенности с политическими процессами в стране. При этом он был исключительно авторитарным редактором (несмотря на то что основная текущая работа по редактированию постепенно перешла к его другу и соратнику П. М. Леонтьеву, Катков никогда не переставал контролировать общее направление журнала), так что все его издания четко отражали единую систему политических взглядов.

Главное политическое событие 1863 года — восстание в Польше. Позиция Каткова по этому вопросу изучена довольно подробно², но в контексте рассматриваемой темы интересен маневр, который отводился «Русскому вестнику» в антипольской кампании. Политическая публицистика на злобу дня оставалась уделом «Московских ведомостей», «Русский вестник» должен был обеспечить научно-историческое обоснование политических позиций издателя, придать пропагандистским публикациям газеты основательности в аргументации.

В июльской книжке «Русского вестника» за 1863 году помещена статья П. К. Щебальского «Французская политика в Польше в 1768–1769 гг.». Очевидная цель этой публикации — подчеркнуть указываемую газетой Каткова роль Франции и Англии как провокаторов Польского восстания и показать, что стимуляция польско-русского национального антагонизма традиционно была характерной чертой французской внешней политики.

С момента начала восстания в Польше существовали опасения, что оно может перекинуться на соседние области Малороссии, где исторически был силен элемент польско-католического шляхетства. Важно было немедленно начать идеологическую борьбу в этом направлении, и в августовской книжке «Русского вестника» появляется статья не профессионального историка, а писателя и публициста Василия Авсеенко «Малороссийское шляхетство в 1762 г. Новые материалы по истории XVIII века». Цель статьи — на основании исторических документов продемонстрировать взаимовыгодные и в целом лояльные отношения малороссийского дворянства и русской монархии.

Редакции журнала было непросто оперативно подготовить серьезные научные исторические исследования, соответствующие политическим целям антипольской пропаганды «департамента Каткова», но к началу 1864 года был подготовлен целый пул острых исторических публикаций.

В это время флагманом исторической тематики в «Русском вестнике» становится Д. И. Иловайский.

В январской книжке 1864 года появляется его статья «3 мая 1791 г.». В этот день была принята недолго существовавшая (всего 19 месяцев) польская Конституция, ставшая реакцией последнего польского монарха Станислава Августа Понятовского на очевидные признаки деградации государственной системы Речи Посполитой. Как известно, одним из принципиальных моментов антипольской пропаганды Каткова было указание на тот факт, что польский государственный суверенитет прекратил свое существование не в связи с русской агрессией, а в силу внутривосточных процессов, отражавших неспособность польской нации к организованной государственности. Польскую тему Иловайский продолжит в мартовской книжке статьей «После раздела», а в феврале 1865 года опубликует биографическую статью «Граф Сиверс», где особое внимание уделено деятельности Сиверса в статусе полномочного посла в Польше.

В октябрьском выпуске журнала за 1864 год московский историк и известный славяновед Н. А. Попов поместил статью «Поляки в Пруссии», которая как нельзя более гармонирует с одним из веских аргументов Каткова в защиту русской политики в Польше, утверждавшим, что Россия, в отличие от своих партнеров по дележу, предоставила полякам беспрецедентно благоприятные условия на территориях, присоединенных после раздела. Н. А. Попов будет продолжать писать статьи о Польше вплоть до февраля 1865 года. Впоследствии он будет уделять много внимания жизни славянских народов

под иностранным владычеством; его публикации будут посвящены жизни сербов в Австрии, судьбе православной церкви на оккупированных территориях в Боснии, Далмации и т. д.

В феврале 1865 года в «Русском вестнике» появится статья С. М. Соловьева «Венский конгресс», а также рецензия на его работу «История падения Польши» П. К. Щербальского. Последний поместит в журнале целую серию публикаций: «Филипп Филиппович Вигель о польском вопросе» (кн. 6); «Католичество в России при Екатерине и после нее» (кн. 8); «Русская политика и русская партия в Польше до Екатерины II» (кн. 9, 10).

Польская тема лет на десять станет лейтмотивом публицистики Каткова, он (и нельзя не признать, что отчасти справедливо) видел истоки многих внутривнутриполитических неурядиц России в действии центробежных сил, в том числе искусно провоцируемых иностранным вмешательством, в тенденциях польского, украинского и литовского сепаратизма, хотя, впрочем, все эти явления называл «польской интригой». Исторические исследования, связанные с Польшей, будут часто появляться на страницах журнала, но не так концентрировано, как в 1864 году, а скорее пунктиром — так, например, в сентябре 1867 года будут опубликованы отрывки из диссертации историка А. С. Трачевского «Польское бескорольевье».

В 1868 году пропагандистское сотрудничество редакций продолжается. Это время очередного обострения политического противостояния на Балканах, связанно-

го с противодействием объединенных сил англо-французской дипломатии развитию Союза Балканских государств, созданного Россией. Под давлением англо-французской коалиции Союз прекратил свое существование, в ответ на это Россия предприняла стандартный для себя шаг в случае всех дипломатических споров с Англией: усилила угрозу индийским колониям, присоединив Коханское царство и начав активное освоение среднеазиатских рынков сбыта, что в конечном итоге привело в общей эскалации напряженности в восточном вопросе.

Катков в «Московских ведомостях» яростно клеймит внешних врагов, а в «Русском вестнике» с января по май 1868 года появляются историко-популяризаторские публикации Е. М. Феокистова «Рецензия на книгу Розена „Русская политика на Востоке перед Крымской войной“», «Русская дипломатия в борьбе Греции за независимость». Задача этих публикаций прозрачна и вполне традиционна — обосновать историческое и моральное право русских притязаний на Балканах.

Интересен в политическом отношении также и другой образец исторической популяризации, вышедший из-под пера Е. М. Феокистова. В сентябре 1869 года он опубликует в «Русском вестнике» статью «Судьбы папской власти при Наполеоне I», посвященную противостоянию Наполеона I притязаниям папства на светскую власть. Казалось бы, эта тема весьма далека от русской политики. Однако в момент публикации это историческое исследование звучало актуально: в декабре

1869 года должен был состояться Первый Ватиканский собор. Собор был последней попыткой папства бороться за светскую власть, он проходил в условиях прямой угрозы уничтожения независимости папской области на фоне острой борьбы внутри Церкви. На политическом же уровне эта борьба была частью масштабного противостояния между Францией и Пруссией накануне войны 1870–1871 годов. Франция в союзе с Италией поддерживала притязания папы, в то время как Пруссия являлась центром церковной оппозиции. Для России, питавшей надежды на поддержку со стороны Пруссии в деле пересмотра невыгодных для нее условий Парижского мирного договора 1856 года, это противостояние было также значимо, поскольку франко-итальянская коалиция стремилась вовлечь Россию во франко-прусскую войну, а Пруссия в качестве платы за политическую поддержку ожидала, что Россия займет в этом конфликте нейтральную позицию.

В 1870-е годы один из наиболее актуальных вопросов русской политической жизни — русификация иноэтнических окраин. Катков активно участвует в журнальной полемике по этому вопросу, вызванной выходом в свет книги Ю. Ф. Самарина «Остзейский край». В начале 1870 года славянофильский историк И. Д. Беляев поместит в «Русском вестнике» статью «Латинская церковь в Северо-Западном крае до Брестской унии», за нею последует серия работ А. Н. Мосолова по национальной политике империи времен Екатерины Великой («Курляндия в период правления Екатерины II»). А. Н. Мо-

О. С. Кругликова

солов, служивший секретарем М. Н. Муравьева в период его управления Виленским краем, не понаслышке знал о проблеме русификации регионов империи, и его осмысление исторического опыта империи в этой сфере представляло несомненный интерес.

Таким образом, «Русский вестник» в 1860–1870-е годы уделял значительное внимание популяризации истории, неизменно подавая исторические материалы в соотношенности с актуальными политическими проблемами, которые в остро полемическом ключе ставились «Московскими ведомостями». Достигался комплексный эффект воздействия на аудиторию. Политическая позиция газеты обретала весомость и глубину аргументации, будучи подкреплена историческими исследованиями, по жанру более соответствующими формату толстого журнала.

Примечания

- ¹ *Макушин Л. М.* «Департамент Каткова»: идеология и технология // Акценты. Воронеж, 2002: Воронеж. гос. ун-т, 2002. Вып. 1–2. С. 37–45.
- ² См. об этом: *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978; *Китаев В. А.* От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50–60-х гг. XIX века). М., 1972; *Кругликова О. С.* Публицистика и общественная деятельность М. Н. Каткова // Публицист и власть. Saarbrücken, 2011.

Е. С. Сонина

Некрасовские журналы в русской карикатуре XIX века

Иконография Некрасова в исследованиях представлена, как правило, портретами, фотографиями поэта, репродукциями картин к его произведениям. Но в ряде работ в списке визуальных материалов приведены и карикатуры¹. Серьезная подборка сатирической графики создана О. А. Замареновой, хранителем некрасовского фонда Мемориального музея-квартиры Н. А. Некрасова. Тем не менее отдельных работ, посвященных сатирическим откликам на творчество Некрасова, нет, — в отличие от, например, подобных исследований по И. С. Тургеневу².

На основе выборочного просмотра 11 тонких иллюстрированных журналов XIX века, одного издания нача-

Сонина Елена Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. Автор 71 научной публикации, среди них — «Петербургская универсальная газета конца XIX века» (2004), «Газетный Петербург дореволюционной России» (2011). Сфера научных интересов: петербургская дореволюционная газета, российская цензура XVIII–XXI веков, визуальная история русской журналистики XIX века.

ла XX века и отдельно взятых трудов пяти художников — современников Некрасова, используя исследования предшественников и благодаря любезной помощи Ольги Александровны Замареновой, удалось выявить 38 карикатур, посвященных Некрасову и его изданиям. Из них 7 карикатур поместил журнал «Заноза», 6 карикатур — журнал «Маляр», 4 — «Искра», 3 — «Осколки», по 2 сатирических рисунка опубликовали «Ералаш», «Сын Отечества», «Знакомые», «Русский сатирический листок» и «Шут», по одному — «Иллюстрированный альманах», «Гудок» и «Литературный вестник». Представим обнаруженные результаты в виде таблицы (см. табл.). Отдельно взяты прижизненные карикатуры на поэта-издателя, отдельно — посмертные годы, когда еще выходили «Отечественные записки» (и после смерти Некрасова этот журнал можно и нужно считать некрасовским).

**Карикатуры на Н. А. Некрасова и его издания
в 1846–1884 годах**

Годы	Карикатуры				
	Некрасов	Некрасов с «Современником»	Некрасов с «Отечественными записками»	«Современник»	«Отечественные записки»
1846–1877	13	6	4	7	1
1878–1884	2	–	–	–	5

Хорошо заметны предпочтения художников: лидируют прижизненные карикатуры на самого поэта, затем следуют рисунки, посвященные «Современнику» и тому же журналу вместе с его издателем. Это объяс-

няется прежде всего значительной ролью в жизни пореформенной России как самого Некрасова, так и ведущего демократического журнала 1860-х годов.

Больше всего карикатур напечатал журнал «Заноза» (1863–1865), причем все рисунки на некрасовские темы помещены в 1863–1864 годах. Это время нельзя назвать пиком успеха «Современника» — арестован Н. Г. Чернышевский, скончались Н. А. Добролюбов и И. И. Панаев; эпоха «триумвирата трех Николаев» осталась позади. Но журнал по-прежнему популярен в демократических кругах, востребован у молодежи и, значит, успехом пользуются и карикатуры на него. Три рисунка «Занозы» посвящены Некрасову с «Современником», три касаются «Современника», один — Некрасова. Но это деление весьма условно. Так, в карикатуре Р. К. Жуковского «Промышленно-литературное акробатство. По случаю наступления 1865 года» Некрасов хотя и изображен без журнала, но именно в роли издателя, прыгающего сквозь обруч подписки за деньгами публики³. В. Е. Евгеньев-Максимов назвал эту карикатуру «Цирк». Изображено там действительно цирковое представление, но мы приводим название, данное при первом воспроизведении рисунка художника⁴.

Три приложения к «Занозе» широко известны: это блестящая графика П. Ф. Бореля, Н. В. Иевлева и «Масленичное обозрение „Занозы“». В приложении «Концерт в С-дурном тоне» (рисунок П. Ф. Бореля, литография А. И. Траншеля) редакторы и издатели крупнейших петербургских изданий музицируют⁵. Роспись карика-

туры (что особенно важно для коллективных образов) сделана А. В. Ефреминым⁶. Дирижером выступает председатель Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ (в названии карикатуры обыграна его фамилия: C-dur или до мажор); министр внутренних дел гр. П. А. Валуев задает камертоном нужную тональность. Некрасов сидит в центре композиции (это подчеркивает роль его издания для современной прессы), смотрит на дирижеров, играет на домре (с точки зрения А. В. Ефремина, это гитара, но мы думаем иначе), по ободу которой выведено слово «Современник».

Карикатура «Бой из-за подписчиков» (рисунок Н. В. Иевлева, литография А. И. Траншеля)⁷ по смыслу напоминает «Промышленно-литературное акробатство». В ней также показано сражение из-за подписчиков, но уже не в цирковом антураже, а на средневековом рыцарском турнире на глазах у публики. И опять в центре композиции — Некрасов. Рыцарский наряд, поднятое забрало (без страха и упрека?), на поводьях выведено «Современник», в замахе вскинуты меч и булава... Самое странное, что противников, равных этой силе замаха, рядом нет. Ближе всего к скакуну Некрасова — лошадь Г. Е. Благосветлова («Русское слово»), но законы пропорции неумолимы — всадники разъедутся, не затронув друг друга, ибо бьются они не на одной линии. Спинай к спине Некрасова скачет М. Н. Катков (во избежание неточностей художник поставил инициал «К» на крупе коня, обрядил Каткова в английские одежды и дал вымпел «Московские ведомости». Но

мало этого — на коне Каткова укреплены крупные шоры, подчеркивающие ограниченность — с точки зрения Иевлева — как животного, так и всадника).

В «Масленичном обозрении „Занозы“», выстроенном по принципу житийной иконы или календаря, даны средник и 22 клеймы⁸. Посередине изображена сцена народного гуляния (катальные горы, карусели, балаганы). В клеймах в сатирическом виде представлены издатели или ведущие сотрудники крупных газет и журналов обеих столиц. «Современнику» отведено место в верхнем ряду, ближе к середине, и это опять-таки говорит о центральной роли издания среди прочих журналов. Узкий подсвечник держит свечу, на которой вертикально, снизу вверх написано «Современник». Сама свеча накрыта тушилкой, с обеих сторон к которой прикреплены силуэты Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Контекст не слишком приятен; рисунок можно прочесть как намек на преграды свету со стороны писателей, но карикатура и должна использовать гротескные, утрированные формы.

Карикатуры «Занозы», посвященные «Современнику» без прорисовки Некрасова, менее известны. На рисунке 1863 года (художник А. А. Кудинов?) крестьянин пашет землю, усыпанную газетными и журнальными листами. Наряду с «Северной почтой», «Сыном Отечества» и другими изданиями мы видим и страницу «Современника». Подпись под карикатурой: «И какой, подумаешь, дряни туда ни запашешь, а из всего Божий хлебец выходит!» объединяет в негативном ключе, без

различия политических и содержательных оттенков, всю журналистику⁹. Свой журнал издатели «Занозы» тоже кинули под ноги крестьянину, и себя причислив к «дряни».

Две карикатуры 1864 года подсмеиваются над критическим направлением некрасовского журнала. «Заноза» показала «Идеалы сотрудников по некоторым российским журналам»: пять портретов-медальонов корреспондентов «Модного магазина», «Искры», «Домашней беседы», «Отечественных записок» и «Современника»¹⁰. Нечетное количество медальонов диктует композицию: четыре портрета расположены вертикально по краям (два с одной стороны и два с другой), пятый — и опять «Современник» — в центре. Идеальный сотрудник «Современника» изображен в профиль. Пенсне, ехидная улыбка и руки в карманах, из-за чего оказываются приподнятыми фалды сюртука, очевидно, должны показать образованную личность, не боящуюся критиковать общепризнанные авторитеты и нарушать правила поведения.

«Откликом на известную полемику, разгоревшуюся в 1864–1865 годах между двумя журналами — „Современником“ и „Русским словом“ (статьи Зайцева и Писарева)» назвал карикатуру «Занозы» литературовед С. А. Макашин¹¹. На ней молодой Щедрин (как отмечал Н. К. Михайловский, очень похоже нарисованный) прутом сечет зайца (намек на В. А. Зайцева). Лягушки с надписями «Прогресс», «Женская эмансипация», «Нигилизм» в ужасе отпрыгивают от грозного сатири-

ка. Незавидно и положение журналов — «Искра» в виде собаки убегает, задрав хвост; толстые тома «Современника» и «Русского слова» погружены в болото, а из переплетов прорастают поганки. Подписью к карикатуре послужили строки из оды И. И. Дмитриева «Ермак» (1794): «Ужасный вид! Они сразились!!!»¹² Раскол в среде нигилистов передан визуальными средствами многообразно и иронично, хотя Д. Буторин и Вас. Гиппиус считали иначе: «Технически карикатура на Салтыкова получилась мало выразительной»¹³.

Шесть карикатур, связанных с Некрасовым и его изданиями, поместил журнал «Маляр» (1871–1878). Только один рисунок не связан напрямую с издательской деятельностью поэта (хотя косвенную связь провести можно): диптих «Я — уроженец степей», обыгрывающий богатство Некрасова¹⁴. Дважды «Маляр» отсылает читателя к поэме «Кому на Руси жить хорошо». Так, на одном из рисунков (1871 г.) Некрасов изображен лежащим на диване в халате, с сигарой, поглядывающим на чучело медведя и попирающим ногами полосы «Отечественных записок». Подпись под рисунком: «Кому на Руси жить хорошо»¹⁵. Л. И. Соболев высказал гипотезу, что автор этой карикатуры — иллюстратор многих произведений Некрасова А. М. Волков¹⁶. Несколько лет спустя (1874 г.) за основу намека берется уже не «барство» поэта, а содержание самой поэмы: Некрасов выплескивает ведро воды в ушат. Надпись на ведре соответствует названию поэмы, на ушате — название издаваемого поэтом журнала.

Подпись к карикатуре («Народный поэт ежегодно выливает ведро воды в ушат русской литературы, чем и разводит остатки своей сатиры») только усиливает саркастичность изображения¹⁷.

Дважды возвращается «Маляр» и к нашумевшему переходу «Отечественных записок» от Краевского к Некрасову и позднему их сотрудничеству. В серии о походе русских издателей изображены присевшие отдохнуть Некрасов и Краевский. Миротлюбивый рисунок сопровождается неприятной репликой. Тем более неприятной, что Некрасов изображен на первом плане, и подпись прежде всего приходится отнести к тому, кто виден лучше: «Вы, детки, не бойтесь героев, но их не дразните и близко не стойте, забрызгают грязью чистое платье»¹⁸.

В следующей карикатуре Некрасов и Щедрин — бильярдные игроки, а Краевский им смиренно предлагает: «Ну, господа, кончайте скорее партию, — да и на чаек с вашей милости»¹⁹. Возможно, соль рисунка заключена в том, что удар делает Некрасов, Щедрин готов продолжить игру, а Краевский выступает в приниженной роли маркера. Учитывая значение «Мафусаила российской словесности», понятно, что роль obsługi больно бьет по самолюбию Краевского, одновременно преувеличивая позиции остальных.

На арест изданий в 1874 году «Маляр» откликнулся карикатурой «Буря» художника С. А. Любовникова²⁰. Страшный ветер несет по небу барышень, под развевающие юбки подглядывают кавалеры (в свою очередь

теряющие парики). Буря взметнула ввысь и том «Отечественных записок». Подпись под карикатурой разъясняет: «Последняя буря наделала много хлопот: многих поставила в неприятное положение, почти все журналы наполнила утками и разною дичью, а некоторые даже совсем унесла»²¹. Если учесть, что в мае 1874 года цензурой был запрещен номер «Записок», то пикантность карикатуры становится очевидной.

Знаменитая «Искра» (1859–1873) из четырех карикатур лишь в карикатуре Н. И. Иевлева «„Ревизор“, поставленный Обществом для пособия нуждающимся литераторам. Петербург, 14 апреля 1860 г.» обошла стороной издательские труды Некрасова²². Остальные сатиры «Искры» широко известны: «отстаивание статей» навтыяжку перед дверьми цензурного комитета (карикатура Н. А. Степанова «Редакторы журналов отстаивают свои статьи»²³, некрасовская «инаковость» от собратий по издательскому цеху: «целой головой выше мерки» («Прием журналов в рекруты»)²⁴ и тень В. Г. Белинского, ужасающаяся переходу «Отечественных записок» от Краевского к Некрасову (карикатура А. М. Волкова «Фрейнд. Новый год в журналистике»²⁵. Во всех карикатурах обозначено портретное сходство с поэтом; всюду подчеркивается особое (хотя и не всегда приятное) положение Некрасова-издателя в журналистике. В двух карикатурах даны названия журналов: в «Приеме в рекруты» Некрасов покрыт большим листом «Современника», в рисунке Волкова на двух сторонах обложки изображены бывший и новый редакто-

ры «Отечественных записок». В двух последних карикатурах Некрасову приходится лицом к лицу встречаться с Катковым; положение фигур и взглядов обоих невозможно расшифровать как дружественное.

«Осколки» (1881–1916) были основаны уже после смерти Некрасова, поэтому сатирические отклики касались лишь «Отечественных записок». Две из трех опубликованных карикатур посвящены редактору журнала Салтыкову-Щедрину, одна — положению журналистики в целом. Карикатуры штатного художника журнала В. И. Порфирьева изображают в бумажном кораблике с надписью «Отечественные записки» Щедрина, стреляющего из пушки по финансистам («Битва русских с кабардинцами») ²⁶, и того же Щедрина, чье тело представляет том «Записок», на прогулке со светской дамой — газетой О. К. Нотовича «Новости» («На прогулке») ²⁷. Третья карикатура («Борьба за существование (по Дарвину)») изящно поднимает сложную тему взаимоотношений власти и прессы: чья-то рука из-за занавеса перекрывает воду в кране «Общественная жизнь». Под закрытым краном находится аквариум, где плавают рыбы-издания (в центре — осетр «Отечественные записки»). Подпись сделана в духе междустрочья: «Не по вине редакции вода в аквариуме стала мутной» ²⁸.

По две карикатуры, связанные с Некрасовым, опубликовали журналы «Ералаш» (1846–1849), «Сын Отечества» (1856–1900), «Шут» (1879–1914), «Русский сатирический листок» (1882–1889) и альбом карикатур «Знакомые» (1857–1858). Одна карикатура

в «Ерлаше» хорошо известна — это «Шествие в храм Славы» М. Л. Неваховича, где молодой Некрасов впервые появляется на визуальном поприще²⁹. Вторая карикатура — «Современное изобретение прилагать к каждой книжке журнала всякую дичь» — высмеивает предложение Некрасова давать приложения к «Современнику»³⁰. В книжной лавке вместе с журналом приказчик вручает подписчикам курицу на блюде. Сбоку на толпу, попирая ногами листы других изданий, иронично поглядывает соиздатель Некрасова И. Панаев. На эту карикатуру указал В. В. Виноградов, разбирая комедию Н. И. Куликова «Школа натуральная» (1850 г.)³¹.

«Сын Отечества» посмеялся над сборищем журнальных издателей (среди коллег Некрасов назван «гуманным поэтом-журналистом») и обратился к уже освещавшейся теме перехода «Отечественных записок» (проект памятника на углу Литейной и Бассейной предполагал воплощение сиамских близнецов, сросшихся спинами, в виде Краевского и Некрасова)³². Попутно отметим, что это место казалось карикатуристам знакомым. Спустя 14 лет другой журнал предлагает свой проект памятника, тоже связанного с некрасовским журналом: на этом углу должен был стоять Щедрин с зажженной свечой («ищу человека»?)³³. Журналу «Шут» принадлежит еще одна визуализация некрасовской темы: среди прочих литераторов Некрасов выступает в роли бурлака, тщетно пытаясь сдвинуть с места литературу-чернильницу³⁴.

Родоначальник русской массовой карикатуры Н. А. Степанов³⁵ также оставил несколько ярких карикатур. На одной из них («Падеж на журналы и газеты») Некрасова нет рядом с журналом: плакат с надписью «Современник» держит И. Панаев. Рядом с ним — фигуры Ф. В. Булгарина, О. И. Сенковского, А. А. Краевского и др. Это — издания популярные, удержавшиеся, в отличие от прочих, от падения в пропасть³⁶. Альбом «Знакомые» публикует и другую, более известную карикатуру Степанова, «Обязательные литераторы», где Некрасов и Панаев, выглядывая из раскрытого переплета «Современника», зазывают к себе «исключительных» литераторов³⁷. Д. В. Григорович, И. С. Тургенев, А. Н. Островский и Л. Н. Толстой несут с собой охапки рукописей, а издатели всячески демонстрируют свою радость и гостеприимство. Журнал настолько велик, что издатели и авторы достигают лишь две трети его высоты, а толщина показана уходящим вдаль строем распахнутых страниц. Художественный отклик на известный договор об исключительном сотрудничестве получился метким и очень редким (карикатуристы, как правило, не обращали внимания на проблемы набора авторов).

Все журналы, о которых шла речь в статье, выходили в Петербурге, кроме «Русского сатирического листка», который печатался в Москве. У московского издания также есть две интересные сатирические картинки, посвященные Некрасову. Если первая карикатура — «Изгнание циника из храма литературы» М. М. Чемодано-

ва — традиционно изображает Некрасова, стоящего с другими классиками, у трона Литературы³⁸, то вторая, «Игра наших журналов в „мужички“», подписанная инициалами В. Ф., более оригинально насмехается над народническими тенденциями «Отечественных записок» и «Дела»³⁹.

По одному сатирическому отклику принадлежит «Иллюстрированному альманаху» (карикатура Н. А. Степанова «Белинский и Некрасов», 1848)⁴⁰, «Гудку» (1862–1863) и «Литературному вестнику» (1901–1904). Карикатура в «Вестнике» «Концерт будущей музыки в пользу достаточных авторов» датируется 1861 годом, хотя и опубликована значительно позже⁴¹. Некрасов выступает там как член Общества вспомоществования недостаточным литераторам и ученым. Роспись карикатуры, как и в случае с литографией П. Ф. Бореля, сделана А. В. Ефреминым⁴².

Карикатура «Гудка» «Вот отличный журнал» изображает двух собеседников, причем один из них одет в простонародную одежду⁴³. Судя по диалогу, оба — образованные люди, так что, возможно, художником был выстроен визуальный намек на славянофилов. Обсуждается отличный уровень «Собеседника» (журнал находится в руках у сторонника крестьянского вида) и высказывается сожаление, что название журнала не русское; следовало бы взять коренное слово «Временник» (еще один довод в пользу гипотезы об изображении славянофила). Второй беседующий, используя игру слов, говорит о слухах: будто бы Некрасов будет

издавать «Временник», а Чернышевский — «Sauts». Французское слово «прыжки» и намек на разделение журнала в сочетании с годом ареста критика демонстрируют прекрасное владение эзоповым языком.

Среди авторских карикатур на Некрасова, вышедших в книжном или рукописном виде, отметим сатиры Ю. Незлобина, кн. В. А. Долгорукова, А. М. Волкова, А. Ф. Чернышева, А. И. Долотова⁴⁴. Книга Ю. Незлобина, в которой даны изображения 50 журналов и газет, открывается антропоморфным образом «Современника», где легко угадываются черты Некрасова. В многоплановой графике Долгорукова Некрасова — вместе с Щедриным и Краевским — терзают черти; название же «Современник» вписано в общий круг русской прессы. Три последние авторские карикатуры не затрагивают тему «Некрасов-издатель» и посвящены его творчеству или личной жизни.

Как сам Некрасов относился к карикатурам на него и на его издания? Ответ на этот вопрос нам не встречался; но, учитывая традиции XIX века, думается, обид не было. Карикатура была и осталась неким мерилom общественной популярности, языком, понятным большинству. И Некрасову — певцу народа, издателю многотиражных демократических журналов — визуальная пропаганда, хоть и не всегда положительная, в определенной степени была выгодна.

Праздный балагур
Срисовать в альбом карикатур
Норовит, —

эти некрасовские строчки («Признания труженика», 1854) доказывают нам, что альбомы карикатур поэт видел. Наверняка видел издатель толстого журнала и тонкие иллюстрированные издания, тем более те, где трудились его давние знакомые. А вот вопрос, как он к ним относился, оставим открытым.

Примечания

- ¹ См.: Некрасовский альбом. 1821–1921 / под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова. Пг., 1921; *Ашукин Н. С.* Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.; Л., 1935; Н. А. Некрасов в портретах и иллюстрациях: пособие для учителей средней школы / сост. Э. Ф. Голлербах, В. Е. Евгеньев-Максимов. Л.; М., 1938; *Эфрос Н. Д.* Указатель иллюстраций к трем некрасовским томам «Литературного наследства» // Литературное наследство. М., 1946. Т. 49/50; *Клепиков С. А.* Некрасов и его произведения в русской народной картинке // Литературное наследство. М., 1949. Т. 53/54. С. 573–585; Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова: в 3 т. / отв. ред. Б. В. Мельгунов. СПб., 2006–2009.
- ² *Клевенский М. М.* И. С. Тургенев в карикатурах и пародиях (с рисунками) // Голос минувшего. 1918. № 13. С. 185–218; *Фонякова Н. Н.* Шаржи и карикатуры на И. С. Тургенева // Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. Т. IV: И. С. Тургенев / подг. к печати Б. В. Шапошников. М.; Л., 1958. С. 180–207; *Сошина Е. С.* «Я понимаю преувеличение, я допускаю карикатуру»: И. С. Тургенев и сатирическая графика // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения–2014. Ч. I: Книжное дело. Культурология. Лингвистика. СПб., 2015. С. 63–69.
- ³ Заноза. 1864. 22 нояб.
- ⁴ О художнике см.: *Стернин Г. Ю.* Рудольф Казимирович Жуковский. 1814–1886. М., 1954.
- ⁵ Заноза. 1863. Приложение к № 9.

- 6 *Ефремин А. В.* Забытая сатира Курочкина // Литературное наследство. М., 1931. Т. 1. С. 264.
- 7 Заноза. 1863. 8 дек.
- 8 Масленичное обозрение «Занозы» // Заноза. 1864. № 9.
- 9 Заноза. 1863. № 34.
- 10 Заноза. 1864. № 5.
- 11 *Макашин С.* Судьба литературного наследства М. Е. Салтыкова-Щедрина // Литературное наследство. М., 1932. Т. 3. С. 289.
- 12 Заноза. 1864. № 18.
- 13 *Буторин Д., Гиппиус В. В.* Салтыков в карикатуре // Литературное наследство. М., 1934. Т. 13/14. Второй полутом. С. 570.
- 14 Маляр. 1875. № 21.
- 15 Маляр. 1871. № 7.
- 16 *Соболев Л. И.* Основные мотивы лирики Некрасова // Литература. 2004. № 40. О Волкове см.: *Любимова-Дороватовская В. С.* Неизданные рисунки А. М. Волкова. К стихотворению «Суд» // Литературное наследство. М., 1949. Т. 53/54. С. 131–150.
- 17 Маляр. 1874. № 6.
- 18 Маляр. 1873. 16 дек.
- 19 Маляр. 1874. № 50.
- 20 О художнике см.: *Любовников С. А.* Автобиография // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. 1909. Т. 8. С. 77–78.
- 21 Маляр. 1874. № 23. Приложение.
- 22 Искра. 1860. № 17.
- 23 Искра. 1862. № 32. Современные исследования по карикатурам не обходят стороной эту блестящую сатиру. См., напр.: *Голиков А. Г., Рыбаченок И. С.* Смех — дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010. С. 49–52.
- 24 Искра. 1863. № 30.
- 25 Искра. 1868. № 1.
- 26 Осколки. 1882. № 41.
- 27 Осколки. 1883. № 17.
- 28 Осколки. 1883. № 2.

Некрасовские журналы в русской карикатуре XIX века

- 29 Ералаш. 1846. Л. 24.
- 30 Ералаш. 1849. Тетрадь 3. Лист 6.
- 31 *Виноградов В. В.* Этюды о стиле Гоголя. Л., 1926. Примеч. 175.
- 32 Журнальный митинг // Сын Отечества. 1861. № 27; Современный русский Янус // Сын Отечества. 1868. № 35.
- 33 Современному сатирику. Проект памятника на углу Бассейной и Литейной // Шут. 1882. № 17.
- 34 На мель села, голубушка! // Шут. 1879. № 3.
- 35 О нем см.: *Трубачев С. С.* Карикатурист Н. А. Степанов // Исторический вестник. 1891. Т. 43. № 2. С. 457–487; *Варшавский Л. Р.* Николай Александрович Степанов. 1807–1877. М., 1952; *Рамазанова Н. В., Пережогина Е. А.* Предисловие // Степанов Н. А. Михаил Иванович Глинка глазами современника: альбом рисунков Н. А. Степанова из собрания Российской национальной библиотеки / отв. ред. Т. З. Сквирская. СПб., 2005. С. 11–16.
- 36 Знакомые. 1857.
- 37 Там же.
- 38 Русский сатирический листок. 1883. № 31.
- 39 Там же. № 33.
- 40 Иллюстрированный альманах. 1848.
- 41 Литературный вестник. 1902. Т. IV. Кн. 5–6.
- 42 *Ефремин А. В.* Забытая сатира Курочкина // Литературное наследие. М., 1931. Т. 1. С. 248.
- 43 Гудок. 1862. № 18.
- 44 *Незлобин Ю.* 50 журналов и газет в лицах. СПб., 1859; *Крестовский 3-й В. (Долгоруков В. А.)*. Аскоченский — новый оракул. СПб., 1862; «„Суд“. Современная повесть Некрасова, изображенная в карикатуре А. М. Волковым. 1868 год»; Чернышев А. Ф., Н. А. Шеншина, Н. А. Некрасов, А. А. Фет, П. М. Ковалевский в Риме. 1857; Долотов А. И. Некрасов на охоте // Галерея русских деятелей. СПб., 1869. Вып. 1.

С. В. Павлова

Традиция издания рукописных журналов в Императорском Александровском Лицее

История развития отечественной журналистики не будет полной без школьной журналистики — рукописных или литографированных журналов, альманахов, издававшихся учащимися в учебных заведениях России, отражавших жизнь молодого поколения и служивших выражением не только творческого развития учащихся, испытанием сил на литературном поприще, но также нравственных устремлений, духовных исканий, интересов, отражающих ежедневную школьную жизнь, быт.

Павлова Светлана Васильевна — хранитель литературной экспозиции «Живем мы памятью Лицея» Всероссийского музея А. С. Пушкина. Автор статей в научных изданиях и периодической печати, буклетов и книг, посвященных Лицею. Автор книг «Императорский Александровский (бывший Царское-Сельский) Лицей» (2002), «Отечество нам Царское Село» (совм. с Л. Б. Михайловой. М., 2003), «Лицей и лицеисты» (2015); составитель сборников «Императорский Лицей в памяти его питомцев. Александровский Лицей (1844–1918)» (2011) и «Мы празднуем Лицея день заветный» (2014). Сфера научных интересов: история Лицея и судьбы его питомцев.

Особое место в истории школьной журналистики занимает Императорский Лицей, сохранявший традиции издания рукописных журналов на протяжении почти всех лет своего существования. А срок этот не малый — свыше ста лет — с 1811 по 1843 год в Царскосельском, а с 1844 по 1918 год — в Александровском Лицее.

Долгое время, говоря об Императорском Лицее, мы имели в виду Царскосельский, в первую очередь Пушкинский Лицей. Вызывавший постоянный интерес исследователей, этот период оказался наиболее изученным. И это неслучайно, ведь зачинателями рукописных журналов были Пушкин и его товарищи, а продолжателями — воспитанники последующих курсов Царскосельского, а позже — Александровского Лицея.

Пристальное внимание к пушкинскому периоду привело к тому, что рукописные журналы, издававшиеся в Александровском Лицее, оказались нам неизвестны. А между тем без них невозможно говорить о традиции лицейской журналистики, существовавшей в учебном заведении. Так, в 1903 году на пушкинском вечере в Александровском Лицее секретарь Пушкинского лицейского общества П. Е. Рейнбот прочел доклад «Лицейские журналы, альманахи, сборники с 1811 по 1902 год». Текстом доклада мы не располагаем, но его название позволяет говорить о существовании в Лицее традиции издания рукописных журналов в течение столетия.

На наш взгляд, сохранению традиции способствовала прежде всего программа лицейского образования, со-

державшая большое количество общеобразовательных предметов. Много внимания уделялось изучению литературы, причем не только русской, но и французской, немецкой, английской. Знание иностранных языков позволяло воспитанникам читать произведения иностранных авторов в подлиннике, а также иностранные журналы, которые выписывало учебное заведение. Широко известны слова Модеста Корфа: «Мы мало учились в классах, но много в чтении и в беседе при беспрестанном трении умов...»¹. Учившийся в Александровском Лицее его племянник Николай Корф вспоминал: «...между тем как юнкера и пажи того времени хвастали друг перед другом тем, кто кого перепьет и перещеголяет еще кое в чем, у нас хвастали тем, кто кого больше прочел. Твердо помню, до чего общественное мнение нашего курса относилось пренебрежительно к тому, который мало читал; до такой степени, что если, бывало, товарищ спросит, „читал ли ты“, положим, „Гамлета“, то отвечаешь уверенно „читал“, хотя бы еще не успел ознакомиться с этим произведением, и от дальнейших расспросов отделяешься уклончивыми ответами; сам же спешишь достать себе книгу, прочесть ее украдкой и затем возобновить о ней разговор»². Подтверждают начитанность лицейстов воспоминания Петра Попова, окончившего Лицей в 1875 году: «Любимыми нашими поэтами были Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Виктор Гюго и Гете. Читали и других, но первых, равно как и Грибоедова, мы знали больше и чаще цитировали, Гоголь, особенно Достоевский, Толстой, Гончаров, Тургенев».

нев, Гейне, Шекспир, Шпильгаген — все это читалось и перечитывалось; все эти великие имена часто служили темой наших нескончаемых бесед и споров»³.

Чтение, «нескончаемые беседы и споры» на литературные темы побуждали лицеистов, склонных к литературному труду, браться за перо. Конечно же, огромное влияние на лицейскую жизнь воспитанников всех выпусков оказывал Пушкин. По словам Я. К. Грота, благодаря Пушкину и «хранительным традициям» в Лицее всегда жило уважение к умственному превосходству, к литературному таланту и труду. Лицейские поэты тянулись за «солнцем нашей поэзии» и, по словам М. Е. Салтыкова-Щедрина, «в каждом курсе предполагался подражатель Пушкина»⁴.

Еще одним важным обстоятельством для появления рукописных журналов послужило то, что Лицей на протяжении всех лет своего существования был закрытым учебным заведением. Пушкин и его товарищи прожили в Лицее все шесть лет безвыездно, не покидая его стен даже на время каникул; воспитанники Александровского Лицея каникулярное время и воскресные дни проводили дома, но все остальное время жили в стенах учебного заведения и посвящали досуг литературным занятиям. И хотя такого единения преподавателей и учеников, как в Царскосельском Лицее, в позднейшие времена не наблюдалось, но и в Александровском Лицее талантливые ученики не оставались без внимания профессоров. Выпускник 1875 года Николай Никифоров вспоминал: «Особенно священна для меня память

профессора В. В. Никольского, оказывавшего мне особое внимание и поощрявшего любовь мою к русской литературе и стихотворству. Первые стихотворения я стал писать еще в 4-м классе Лицея и лицеистом еще сотрудничал в „Всемирной иллюстрации“, „Ниве“ и „Петербургской газете“»⁵.

Не располагая сведениями об издании лицейских рукописных журналов в 1850–1870-е годы, мы не вправе утверждать, что их не было. Даже слова Д. Ф. Кобеко, окончившего Лицей в 1856 году, о том, что «никаких рукописных журналов, так сильно распространенных в Царскосельском Лицее, у нас не было»⁶, не доказывают отсутствия журналов на других курсах. Можно, конечно, предположить, что в этот период действительно наступил перерыв в издании рукописных журналов. Но, скорее всего, были единичные случаи выпуска, и, не придавая ученическим журналам особого значения, воспитанники их не сохраняли. И только с созданием «Лицеаны» — музея, посвященного истории Лицея, творчество лицеистов поздних выпусков стало тщательно храниться и собираться.

Сохранившиеся в «Лицеане» журналы, а также воспоминания воспитанников свидетельствуют о том, что в 1880-е годы наблюдается настоящий «бум» лицейских рукописных журналов. Неизвестный лицеист 40 курса вспоминает: «В 3-м классе выходил рукописный „Звонок“ с иллюстрациями и, кроме того, „Свисток“. Во 2-м и 1-м — литографированный „Лицейский мудрец“, а в соседнем курсе — полемизировавший с на-

шим печатный журнал „Чистое искусство“. Ряд журналов в младших классах подражал затее старших»⁷. 44-й и 45-й курсы издавали «Литературный сборник»; 45-й и 46-й курсы — «Литературный вестник»; 47-й курс — альманах «Лицейские отголоски»; 45-й курс издал также и литературный альманах «Отдых».

Несомненно, такой взрыв рукописной литературы был вызван и событиями во внешнем мире, но главным образом — событиями, происходящими в самом Лицее. Это было время больших перемен, время переходное. Пришедший в 1877 году в Лицей новый директор Н. Н. Гартман начал свою деятельность с преобразований. Прежде всего «из четырех классов с полуторагодовым учебным курсом Лицей был преобразован в шестиклассное учебное заведение с обычной однолетней продолжительностью занятий в каждом». Для помещения двух новых классов надстроен был четвертый этаж. В отдельном здании были учреждены приготовительные классы. Для покрытия этих строительных расходов была продана значительная часть лицейского сада. «Укоротилась аллея, зато прибавился этаж», — скорбно иронией звучало ходившее по рукам стихотворение. Вводились изменения в распорядках, в учебном и воспитательном планах. Участились случаи (с разрешения начальства) ухода воспитанников после окончания занятий, хотя по существовавшим правилам воспитанников отпускали домой только на воскресные дни. Все это вызывало неодобрение со стороны бывших питомцев. Учащаяся молодежь искала выход из сло-

жившейся ситуации. Тот же лицеист 40 курса писал: «И вот, сначала бессознательно, глухо, потом яснее и определеннее в нас росла курсовая мысль: на 40 курсе лежит миссия охранить лицейский дух; с переменной учебно-го плана не допустить обезличить Лицей, но свято сберечь лицейские традиции»⁸. Краеугольный камень лицейских традиций — лицейское товарищество, и поэтому вопрос, как сохранить и поддержать его, служил предметом оживленного и страстного обмена мнений на страницах рукописных лицейских журналов.

Образовалось два течения, выразителями которых стали журналы «Лицейский мудрец» и «Чистое искусство». «Чистое искусство» основное внимание уделяло беллетристике. Литографированный «Лицейский мудрец», кроме беллетристики, обсуждал на своих страницах вопросы научного и политического характера.

«Лицейский мудрец» предъявляет к лицейскому товариществу суровые требования, осуждает склонность воспитанников к развлечениям и удовольствиям отпусковых дней и то, что «внелицейская жизнь пересиливает лицейскую». По мнению «Мудреца», в учебном заведении необходимо создать такую обстановку, чтобы всем было интересно. С этой целью лицеистам предлагалось ответить на следующие вопросы:

- применимы ли к нынешним воспитанникам идеалы Пушкина?
- если отвергнуть традиции и старину, то что предложить взамен?

- возможно, упадок духовной жизни не в отсутствии идеала, а в том, что прекрасные традиции, заложенные первенцами Лицея, стали формальностью?

Юношеский задор и резкость обличительных выступлений против «устарелых обычаев», а главное — случайное использование некоторыми прогрессивными газетами одного из выпусков «Лицейского мудреца» для выпадов против Лицея, вызвали в лицейской среде протесты, и журнал должен был, как признавались редакторы, «склонить буйную головушку перед негодующей толпой».

Все тот же неизвестный лицеист 40 курса (выпуск 1884 г.) вспоминает: «Много лет после окончания Лицея я случайно узнал, что ученические журналы 1883–1884 гг. попали в общую печать, вызвали временный к себе интерес и даже полемику. Вот отзыв одной большой газеты о „Лицейском мудреце“: „В нем встречаются страницы талантливо и горячо написанные, имеющие своим предметом не хорошенькие ножки с высоким подъемом, а серьезные вопросы — нравственные, педагогические и общественные, — применительно к лицеистам, к их быту, образованию, карьере и пр. От этих страниц веет трезвым, молодым духом исследования, стремлением к добру, прекрасному; звучит пламенная проповедь честного самоотверженного служения истине, родине и человечеству. Исходя из этих благородных идеалов, публицисты „Лицейского мудреца“ беспощадно критикуют свою школьную среду и ее недостатки,

стараятся разбудить ее ото спячки и возвысить умственно и нравственно...»⁹

Как уже говорилось, журнал затрагивал проблемы не только внутрилицейской жизни, но и внешней. После того как на страницах «Мудреца» появилось стихотворение «Три дороги», в котором рассказывалось о доле русского мужика, в жизни которого есть лишь три пути: разбой на большой дороге, пьянство, помогающее забыть бедность, и, наконец, насильственная смерть, Санкт-Петербургский цензурный комитет доложил об этом стихотворении в Главное управление по делам печати.

Журнал «Чистое искусство» придерживался другой точки зрения. А. Н. Яхонтов, воспитанник 55 курса (выпуск 1899 г.), возражал против выноса «сора из избы», считая, что нужно оставаться непоколебимо верными заветам предков, хранить лицейский союз и следовать лицейским традициям не на словах, а на деле. Журнал последовательно проводил мысль о том, что Лицей ценен именно преемственной целостностью, здоровым духовно-нравственным консерватизмом, и нечего навязывать учебному заведению понятия и отношения, не в его горниле закаленные.

В 1890-е годы было популярно коллективное сочинение различных злободневных картин и обозрений как на лицейские, так и на политические темы. Так, например, 58 курс (1896–1902) разыграл оперетку «Англичане в Трансваале, или Не суйся в воду, не зная броду». Подобные пьесы сочинялись почти каждым курсом.

Заметную активность в эти годы проявляют и лицейские поэты. Об этом можно судить по большому количеству сохранившихся поэтических приношений ко дню рождения *alma mater*. Возможно, сказывалось и приближение столетнего юбилея со дня рождения А. С. Пушкина. Еще в 1898 году на общем собрании бывших лицейстов было предложено отметить столетнюю годовщину со дня рождения поэта изданием в Лицее журнала для поддержки лицейских литераторов. Такое же пожелание было высказано и в сообщении П. Е. Рейнбота о лицейских журналах: журналы необходимы, заметил он, потому что «плодят писателей».

В 1902 году przygotowательный класс стал издавать журнал «Лицейст». Перейдя в Лицей и став 64 курсом, воспитанники организовали литературно-научный кружок «Наши досуги», который напоминал «Общество лицейских друзей полезного», организованное Е. А. Энгельгардтом в Царскосельском Лицее. Во время чаепития в дружеской обстановке воспитанники читали свои литературные упражнения на самые различные темы; присутствовавший на одном из заседаний директор Лицея А. П. Саломон одобрительно отозвался о докладах «О Манчжурии», «О Карле Великом», «О радиии».

С 1903 года стал выходить «Лицейский журнал», который издавался в течение четырнадцати лет. Последний номер, на обложке которого написано: «Дозволено военной цензурой 24 января 1917 г.», вышел в начале февраля 1917 года. И если до этого выходили курсовые

рукописные журналы, то «Лицейский журнал» стал общелицейским, объединив авторов разных курсов.

В одной из редакционных статей говорилось, что журнал должен служить органом обмена мнений по поводу всех волнующих и интересующих лицейскую среду вопросов, всесторонне освещать лицейскую жизнь в ее прошлом, настоящем, чаемом и желаемом будущем, — одним словом, быть в полном смысле лицейским журналом.

Сначала журнал был рукописный, затем стал выходить как печатное издание с грифом «На правах рукописи». Подготовленный к печати номер обязательно просматривался директором Лицея и одним из учителей русской литературы. Журнал распространялся по подписке. Среди подписчиков — не только учащая молодежь, но и выпускники Лицея. В первое десятилетие журнал печатался в типографии Петербургской тюрьмы, что вызывало и вызывает недоумение. Но объясняется это просто: в этот период директором Лицея был А. П. Саломон, в прошлом — начальник Главного тюремного управления, и использовал свои старые связи.

Выходил «Лицейский журнал», как правило, шесть раз в году. По содержанию номера весьма неоднородны — наряду с актуальными, интересными статьями, сообщениями появлялись и скучные. Основные блоки содержания варьировались, однако на протяжении всей истории издания неизменными оставались отделы, посвященные творчеству лицейстов (стихи, проза, публи-

цистика), истории Лицея, хронике учебного заведения, публикациям о деятельности выпускников.

Поскольку журнал выходил как печатное издание, это давало возможность иллюстрировать его. Бывший воспитанник Лицея П. П. Вейнер предоставил для «Лицейского журнала» заставки и виньетки издаваемого им журнала «Старые годы».

Большое место в журнале было отведено «Литературному отделу»: на его страницах увидели свет как произведения авторов «одного стихотворения», чье творчество не получило развития после окончания учебного заведения, так и поэтические произведения ставших впоследствии известными поэтами русского зарубежья Сергея Бехтеева, Владимира Ильяшенко, Леонида Тяжелова, Николая Зубова, Леонида Страховского. Здесь же печатались стихи рано умершего Владимира Левенца, произведения лицейского ветерана Николая Никифорова (выпуск 1877 года). На страницах журнала увидели свет исследования творчества А. А. Фета Владимира Ильяшенко и Георгия Блока, статья Л. Тяжелова «Ницше и Вагнер», написанная к 20-летию со дня смерти Ницше, а также работа В. Ильяшенко «О рифмах и стихах» и др. Не забыты и исторические темы: «Патриарх Никон и его враги» (статья М. Помяловского), «Наполеон I» (автор Л. Ф. Гартман). Пытаясь разобраться в современном мире, один из лицейстов пишет статью «Причины Русско-японской войны».

Журнал начал выходить в сложное для Лицея время. На рубеже веков особенно усилились негативные вы-

сказывания в адрес Лицея, и неслучайно в первых номерах «Лицейского журнала» была опубликована статья Бориса Малютина «Некоторые мысли об истории Лицея», посвященная особенностям учебного заведения и в то же время оказавшаяся ответом на упреки недоброжелателей.

Обращаясь к истории учебного заведения, автор пишет, что Лицей не претендует называться храмом науки, что его задачи лучше всего характеризуются девизом «Для общей пользы». Но для выполнения этих задач необходимо широкое гуманитарное образование, поэтому упреки в слабости лицейской научной подготовки безосновательны. Лицейские привилегии, в которых также упрекали учебное заведение, по словам Малютина, выпускники вполне оправдали своей блестящей деятельностью.

Лицей тщательно оберегал своих питомцев от столкновений из-за политических разногласий. Их воспитывали, что в качестве учащихся они не должны проявлять свое отношение к внутренней политике, а должны продолжать свое прямое дело — готовиться к предстоящей общественной деятельности. По этой причине Лицей обошел молчанием обращенное к нему воззвание группы студентов Петербургского университета, предлагавших примкнуть к забастовке в 1905 году. Это послужило поводом к упрекам в оторванности лицеистов от жизни, в том, что лицеисты безучастно относятся к крупнейшим политическим событиям, мало интересуются переустройством русского общественного строя.

В статье «Лицей и 1905 год» Алексей Татищев писал, что невмешательство лицеистов в политические дела не является свидетельством их безразличия к происходящим событиям. Если бы это было действительно так, то можно говорить, что лицеисты мертвы для общества. Горячий интерес, проявленный воспитанниками к вопросам внутренней политики, к вопросам современной жизни, заставил их обратиться к начальству с просьбой организовать в Лицее лекции о современном положении дел в России. Несмотря на то что лекции С. А. Муромцева об известных съездах земских и городских деятелей и В. М. Гессена о только что появившихся манифесте (6 августа 1905 г.) и законе (6 июня 1905 г.) проходили в вечернее время, они всегда собирали полные аудитории. «Жаркие споры на политические темы, ведшиеся лицеистами в свободное время, в которых обнаруживались различие в политических взглядах, — писал Татищев, — не мешали их тесной дружбе»¹⁰.

Но эти статьи были адресованы не только лицейским недоброжелателям. Они знакомили младших товарищей с особенностями их родной школы, традициями, неразрывно связанными с историей учебного заведения, его целями и задачами. История школы и ее сегодняшнее состояние раскрываются также в опубликованном на страницах журнала «Извлечения из сообщения, сделанного курсовым воспитателем третьего класса ИАЛ, лицеистом 59 курса А. А. Рубцом, его Высочеству князю Олегу Константиновичу 19 сентября 1910 г. в Павловском дворце»¹¹ в связи с поступлением послед-

него в Императорский Лицей. Кроме краткой столетней истории сообщение знакомит с настоящим состоянием Лицея, раскрывает такие особенности учебного заведения, как генеральство, положение первого класса, понятие «курс»; рассказывает о неделе прощания, о праздновании 19 октября, когда особенно ярко проявляется все лучшее в лицейской жизни, в товарищеских отношениях; о традиции приветствовать родную школу в день ее рождения поэтическими посланиями.

Эту же тему продолжает постоянная рубрика «Из лицейской старины». Большинство публикуемых в ней документов извлечены из лицейского архива, а также поступили в Лицей от частных лиц. Так, в одной из статей речь идет о лицейском садике в Царском Селе, и здесь же приведен рисунок исторической ограды. Материал «Лицей и 1812 год» содержит неизвестные документы о предполагаемой эвакуации Лицея. Характеристики воспитанников первого курса, данные лицейскими профессорами, извлечены из архива министра народного просвещения графа А. К. Разумовского. Интерес представляют статьи об истории лицейских балов; о посещении учебного заведения императорами и многие другие. Задача «Лицейского журнала» — служить звеном между настоящим и прошедшим, между воспитанниками I класса и младшими товарищами, между окончившими полный курс и не окончившими его, между Петербургом и Царским Селом. В связи с этим неотъемлемой составляющей журнала были публикации о выпускниках Лицея, посвятивших свою

жизнь труду «для общей пользы». Это очерки жизни и деятельности канцлера и министра иностранных дел князя А. М. Горчакова, общественного деятеля, «духовного отца слепых» Константина Грота, композитора Павла Бларамберга, министра юстиции Д. Н. Замятина и многих других, ставших для младших поколений лицеистов примером служения отечеству.

На страницах журнала постоянно звучит тема товарищества, лицейского единения. Вот какое определение лицейского товарищества дает бывший воспитанник Лицея, а ныне его директор А. П. Саломон: «Оно есть близкое, искреннее, бесхитрое, интимное дружеское отношение друг к другу. Оно дает право на прямое и откровенное суждение о делах и людях, оно налагает обязанность оказывать взаимную поддержку, приучает к солидарности, побуждает жертвовать личным, частным интересом в пользу общего. Это есть та практическая школа, которая обучает и приучает лицеистов к исполнению исконного лицейского завета жить и трудиться «для общей пользы»¹².

Лицейское начальство относилось к лицейским традициям с большим уважением. Именно традиции обладали большой воспитательной силой, именно они делали из воспитанника настоящего лицеиста. В «Прощальном слове с Лицеем и его воспитанниками», опубликованном на страницах «Лицейского журнала», преподаватель истории, воспитатель Ф. К. Неслуховский напомнил своим питомцам, кто может считаться настоящим лицеистом: «Лицейст это юноша, проникнутый духом рыца-

рей чести... гордившийся званием лицеиста, как рыцарь, воин, дворянин гордится своим званием и своими предками. Лицеист считал для себя кровной обидой, если бы кто усомнился в даваемом им честном слове; он до самоотвержения стоял за интересы своего товарища, товарища курса и всего Лицея»¹³.

Юрий Ермолов, один из редакторов журнала, регулярно затрагивает тему традиций, товарищества в своих публикациях «На лицейскую тему». Он нередко обращает внимание на негативные стороны в поведении лицеистов. Так, в одной из статей, рассказывающей о праздновании дня основания учебного заведения, он критикует ту часть лицейской молодежи, которая, забыв о глубоком смысле этого праздника, сводит его к «учащенному использованию заздравных кубков».

Один из актуальных вопросов лицейской жизни связан с широко развитым в Лицее институтом приходящих. Если в 1880-е годы приходящих были единицы, то теперь уход из Лицея после занятий стал широко практиковаться. По отзыву одного из лицеистов, по вечерам Лицей подчас представлял собой пустынную храмину, вид которой тяжело действовал на тех, кто знал лучшие лицейские дни. Разумеется, нельзя не считаться с появлением прежде неведомых Лицею внешних влияний и соблазнов, поэтому на страницах журнала ставится вопрос о необходимости творчески работать над созданием в Лицее обстановки, которая отвечала бы интересам воспитанников и была бы способна побеждать внешние притяжения.

Журнальные статьи свидетельствуют об увлечении лицеистов шахматами, о шахматных турнирах. Среди лицеистов было немало таких, кто достиг в этой игре хороших результатов; так, имя Бориса Малютина вошло в Шахматную энциклопедию. С увлечением весь Лицей играл в футбол, и в журнале сразу же появились правила игры в футбол. Одна из статей рассказывает о занятиях лицеистов фотографией. Для постановок лицейских спектаклей делается сцена.

За сохранение лицейских традиций отвечал первый, выпускной класс. Ежегодно журнал печатал прощальные речи выпускников. Во всех речах говорилось о товариществе как о великом лицейском благе. А. Терне, выпускник Лицея 1909 года, провозглашает, что нерушимое лицейское товарищество — не пустые слова, которые говорят в торжественные минуты и тотчас забывают. Это та сила, которой блещет Лицей уже в течение целого века, и в этой святой традиции товарищества и братства — опора лицеистов в жизни. Ему вторит Владимир Ильяшенко: «Берегите лицейские традиции: они связывают целый ряд поколений. Не рвите этой связи, чтоб нам всем не оказаться одинокими»¹⁴.

Заслуживают внимания и ответные слова младших товарищей, своего рода напутствие выпускникам: «Вы передаете нам стяг Лицея, стяг его традиций. Мы его сохраним как бесценное сокровище, как святыню. Мы дружно будем стоять за наши традиции. Нет традиций — нет Лицея. Мы понесем лицейское знамя здесь, вы понесете другое, такое же знамя там, за стенками Ли-

цея, в неизвестной жизни. В трудную минуту мы обратимся к вам: „Друзья, помогите“ — и вы придете и поддержите нас, и мы соединим наши знамена, потому что вы не перестаете быть лицеистами»¹⁵.

По мнению лицеистов, именно в старинных, освященных временем традициях заключается «дух Лицея».

Регулярно печатались и материалы, связанные с пушкинской темой, постоянно освещалась деятельность Пушкинского лицейского общества: отчеты о его работе, рассказы о пушкинских вечерах, организованных в стенах учебного заведения для лицеистов, о пополнении Пушкинского музея, находившегося в ведении общества. В одном из отчетов сообщалось, что вдова одного из членов общества госпожа Гаевская передала в Пушкинский музей издававшийся воспитанниками в 1840-х годах «Лицейский журнал», а также сборник лицейских карикатур и рисунков 1830–1840-х годов.

Известно, что представители Лицея принимали участие в создании Пушкинского Дома. Само название «Пушкинский Дом» было принято по предложению директора Лицея А. П. Саломона. В одном из номеров журнала было помещено Положение о Пушкинском Доме, высочайше утвержденное 14 июля 1907 года.

Большой интерес представляют статьи лицеиста 67 курса (выпуск 1911 г.) Д. П. Мышецкого, который, будучи воспитанником выпускного класса, заведовал Пушкинским музеем. В статье «Пушкинский музей и лицеисты» (1910) он пишет о том, что в жизни многих

лицейстов музей не играет той роли, какую должен играть. Препятствие, мешающее развитию интереса к музею, Мышецкий видит в незнании Пушкина воспитанниками младших классов, поскольку изучение жизни и творчества поэта не входит в их учебные программы, а в старшем курсе небольшое количество часов, отведенное для изучения русской литературы, не дает возможности остановиться с надлежащей полнотой на изучении Пушкина. Между тем богатство музея заключается в коллекции автографов и громадном собрании пушкинской литературы, и для того, чтобы оценить это, нужно нечто большее, чем дилетантский интерес. Свою задачу как заведующий музеем он видит в пробуждении интереса к Пушкинскому музею среди лицейстов.

На страницах «Лицейского журнала» Мышецкий знакомит своих товарищей с «Пушкинским уголком земли», рассказав о своем путешествии в родовое имение Пушкина, где поэт «провел изгнанником два года незаметных». Он побывал в Святых горах, в Михайловском, Тригорском, видя везде запустение и с помощью управляющего пытаясь найти следы прошлого. Побывал он и на границе «владений дедовских», на месте том, «где в гору поднимается дорога, изрытая дождями». «Но трех сосен уже нет, — пишет Мышецкий. — Еще несколько месяцев тому назад слева от дороги одиноко стояло старое дерево, подлинно относившееся к „знакомцам“ Пушкина. Но крестьяне, поверив слухам о каких-то сокровищах, зарытых якобы под знаменитой сосной, срубили и сожгли ее. На месте, где она стояла,

сделан род насыпи, и при первой возможности г. управляющий намерен пересадить сюда дерево из леса. Обугленный чурбан, единственный остаток погибшей реликвии, я видел потом в усадьбе»¹⁶.

Мышецкий обращает внимание на необыкновенную привлекательность этих мест: «...красоты Швейцарии, виденные мною несколько недель спустя, не могли изгладить из моей памяти чудной летней ночи в Святых горах»¹⁷, но с горечью замечает: «Вряд ли этот музей будет посещаться; слишком уж мало народа ездит в Михайловское. Конечно, если бы он послужил приманкой для паломников, можно было бы только порадоваться»¹⁸.

Познакомившись с книгой приезжающих, Мышецкий отмечает, что не нашел в ней ни одного лицеиста, обнаружив лишь два имени, связанных с Лицеом, незадолго до него посетивших пушкинский уголок, — секретаря Пушкинского лицейского общества П. Е. Рейнбота и бывшего профессора русской литературы в Лицее, известного пушкиниста И. А. Шляпкина.

Рассказы лицеистов о путешествиях по России неизменно привлекали внимание читателей журнала. В них — описание таких русских городов, как Вологда, Великий Устюг, Архангельск, Екатеринбург, их достопримечательностей. Говоря о неудобствах путешествий по России, о трудностях быта — плохих гостиницах и грязных дворах, скверных дорогах, авторы неизменно восторгаются красотой русской природы, красотой старинных русских городов. Так, автор статьи об Архан-

гельске пишет, что панорама, открывающаяся при подъезде к городу, нисколько не уступает подъезду к Венеции и достойна кисти любого художника.

«Лицейский журнал» издавался в период двух войн — русско-японской и Первой мировой, в которых принимали участие и питомцы Лицея. Лицеистам — участникам войн, деятельности учебного заведения во время войн посвящены многие страницы журнала.

Особого внимания заслуживает «Хроника» учебного заведения — своеобразная летопись лицейских событий, неизменно завершающая каждый номер журнала.

«Лицейский журнал» имел свое лицо. Взяв в руки журнал, сразу понимаешь, что он издавался в Императорском Лицее и его создатели стремились сохранить лицейские традиции.

Без этого журнала не может обойтись ни один современный исследователь истории Императорского Лицея как ценнейшего источника живой лицейской жизни на протяжении почти пятнадцати лет — последних пятнадцати лет в истории учебного заведения.

Примечания

- ¹ Императорский Лицей в памяти его питомцев. Царскосельский Лицей (1811–1843) / сост. Л. Б. Михайлова. СПб., 2011. С. 211.
- ² Императорский Лицей в памяти его питомцев. Александровский Лицей (1844–1918) / сост. С. В. Павлова. СПб., 2011. С. 51. В дальнейшем — Александровский Лицей.
- ³ Александровский Лицей. С. 365–366.
- ⁴ Лицейская молодежь следовала наставлению профессора Н. Ф. Кошанского: «Кто молод и чувствителен душой, тому

С. В. Павлова

непростительно не быть поэтом» (*Грот К. Я. Пушкинский Лицей.* СПб., 1998).

- 5 Там же. С. 598.
- 6 Там же. С. 92.
- 7 Там же. С. 446.
- 8 Там же. С. 443.
- 9 Там же. С. 446–447.
- 10 Лицейский журнал. 1910–1911. № 1.
- 11 Там же. 1910–1911. № 2–3.
- 12 Там же. 1908–1909. № 1. С. 17–18.
- 13 Там же. 1906–1907. № 4. С. 185.
- 14 Там же. 1907–1908. № 6. С. 456–457.
- 15 Там же.
- 16 Там же. 1909–1910. № 6. С. 312.
- 17 Там же. С. 310.
- 18 Там же. С. 316.

Н. А. Корнилова

Под грифом «секретно»

Царскосельская бумажная мельница, 1785–1818

Ко времени открытия Императорского Лицея в окраинной части бывшей Царскосельской дворцовой слободы уже более четверти века существовало одно из самых засекреченных и закрытых промышленных заведений — первая в России казенная фабрика по производству ассигнационной, гербовой и вексельной бумаг, называемая в обиходе бумажной мельницей¹. Она была учреждена по именному указу Екатерины II от 30 января 1785 года² и занимала территорию по трем сторонам второго городского каскадного «фабрично-го» пруда.

Корнилова Надежда Александровна — историк, старший научный сотрудник Историко-литературного музея г. Пушкина. Занимается научной работой по историко-краеведческим темам, участник научных российских и международных конференций. Автор многочисленных научных статей, а также книг «Иннокентий Анненский в Царском Селе» (в соавт. с М. А. Мощениковой), «Дворцовый город Царское Село», «Историческая застройка Царского Села» (в соавт. с М. А. Мощениковой и Н. А. Давыдовой). Сфера научных интересов: «литературная история» Царского Села, прежде всего — эпохи Серебряного века.

Первоначально фабрика находилась в ведении директора Государственного ассигнационного банка генерал-прокурора князя А. А. Вяземского, затем перешла в подчинение стоявшему во главе Экспедиции о заготовлении листов для государственных ассигнаций государственному казначею. В 1800 году эту должность занял Г. Р. Державин. Он посылал приказы под грифом «секретно» казенному приставу, управлявшему Царскосельской фабрикой. Во время его руководства произошло утверждение новых форм ассигнаций. Для их представления Державин направил на бумажную мельницу особого чиновника с широкими надзорными полномочиями и отдал приказ инспектору Ассигнационной типографии в Петербурге об отпечатывании пробного образца новых ассигнаций на бумаге Царскосельской фабрики³.

Качественное изготовление бумажной продукции в соответствии с предъявляемыми к ней высокими требованиями было обусловлено рядом следующих факторов: удачное местонахождение бумажной мельницы, оснащение ее современным, по тому времени, оборудованием, постройка фабричного здания, отвечающего необходимым условиям производственного процесса. Главное строение фабрики лицевым фасадом выходило на последнюю каменную плотину водной системы прудов, подача воды осуществлялась по свинцовым трубам в деревянных футлярах из так называемого Среднего пруда, предшествующего Фабричному. В описании здания бумагоделательной фабрики, составленном на мо-

мент ее упразднения в 1818 году, указывается, что оно было выложено «из кирпича в 3 этажа, и отбелено и погребя под тою мельницею, где действуют водяные и сухие колеса из дикого камня и плиты». Крыша была покрыта листовым железом, как и окружавшая мельницу с трех сторон ограда, внутри которой соорудили два шлюза из брусчатки и установили с обеих сторон большие створчатые ворота. На берегу пруда, выложенного камнем, находился «для полоскания сукон нарочитый с прорезями и перилами плот»⁴.

Все помещения внутри здания были тщательно защищены крепкими дверями со всевозможными засовами, замками и задвижками. Там размещались мельничная галерея, «в коей происходило молонье»⁵, две большие сушильни, а также рабочие комнаты: черпальная, суконная, клеевая, красочная, прессовочная, формовочная. Рядом с главным зданием располагались два производственных корпуса более поздней постройки: двухэтажная «черпальная каменная» и трехэтажное «деревянное сушило для гербовой бумаги»⁶.

Все этапы производственного процесса проходили в условиях строжайшей секретности. Для сохранения одной из важнейших государственных тайн был пущен в ход целый комплекс доступных для той поры мер предосторожности и средств защиты: усиленная охрана внутри и снаружи здания, засекреченность производимых работ на каждом отдельном участке, строгий учет бумажных листов после каждой операции, досмотр работников при выходе с фабрики.

Во избежание любой утечки информации, которой могли бы воспользоваться фальшивомонетчики, процесс отливки бумаги надлежало осуществлять при закрытых дверях, «запершись в мельницу с мастеровыми и другими необходимо нужными для сего людьми под строгим присмотром»⁷ казенного пристава. В целях достижения наивысшего качества бумажной продукции и для гарантированного сохранения секрета ее изготовления на Царскосельскую фабрику были доставлены «скрытым образом из чужих краев такие особливые для сего машины, каковых нет ни на одной частной российской фабрике». Исправнику вменялось в обязанность строго надзирать за тем, чтобы «состав находившихся на мельнице машин не был никому ни малейше известен...»⁸.

Первые мастера с подмастерьями прибыли из-за границы («выписаны равномерно тайным образом таковые, каковых в искусстве деланья оной бумаги здесь не находится») ⁹. Со временем на места иностранных мастеров, у которых закончился срок контракта, пришли мастера отечественные. В историю фабрики вошел умелец Еремей Сухих, опытным путем сумевший раскрыть чуть было не утраченный (из-за смерти старого иностранного мастера красильного дела, помощником у которого он работал), секрет состава красок «с немалою при том для казны пользою»¹⁰.

О начале трудовой смены возвещал звук медного фабричного колокола. Рабочий день на фабрике длился 12 часов: летом с 6 до 12 и с 3 до 9 вечера, с трехчасовым

перерывом «на обед и отдохновение»; зимой — с 7 часов утра до часу дня и с 3 до 9, с двухчасовым перерывом. Допускалось увеличение рабочего времени в связи с производственной необходимостью и с целью рационального использования воды, но оговаривалось, что осуществлять это следует «без чрезмерного при том изнурения людей»¹¹.

Помимо зданий производственного назначения Царскосельской фабрике принадлежали жилые дома. К 1818 году численность работающих на этом предприятии составила 85 человек, а вместе с учениками доходила до 100. Деревянный дом на каменном фундаменте, второй от угла по Московской улице, определили для жительства «ассессоров и бумажных дел мастеров»¹².

В 1816 году во время прогулки по Царскому Селу император Александр I обратил внимание на удручающее состояние оград, и, в частности, на то, что «покривились ворота и забор» у фабричного дома на Московской улице¹³. Об этом немедленно было сообщено казенному приставу для последующего исправления.

Под жильем для мастеровых было приспособлено стоящее за фабрикой двухэтажное каменное здание бывшего винокуренного завода, а также предоставлен один из боковых одноэтажных флигелей комплекса каменных жилых построек, возведенных на Набережной улице еще в подготовительный период перед пуском производства. К 1818 году на фабрике их числилось 77 человек (формовщики, черпальщики, валяльщики, выметчики, столяры). Второй боковой флигель занима-

ли рядовые воинской инвалидной команды, обеспечивающие охрану Царскосельской мельницы.

Когда в 1818 году рабочая команда фабрики покидала Царское Село в связи с переводом в Петербург, то вместе с 52-летним Еремеем Сухих туда переводились приставленные к делу его сыновья-выметчики: 15-летний Николай, 13-летний Василий и 9-летний Иван¹⁴. Использование детского труда на Царскосельской бумагоделательной фабрике было явлением обычным и весьма поощрялось. Сыновей фабричных мастеровых рекомендовалось оставлять «при отцах для успешного приучения» к работам, что способствовало формированию рабочих династий. До 12 лет мальчикам назначалось месячное содержание в размере от 1 до 5 рублей, затем они поступали в разряд мастеровых. Не были забыты и дочери работников — им гарантировалось обеспечение до вступления в брак, оставшимся незамужними полагались выплаты до конца их дней¹⁵.

Жизнь фабрики не всегда протекала гладко. Особенно остро стоял вопрос комплектования рабочими кадрами, фабрика постоянно испытывала недостаток в квалифицированных работниках, так как «приискать таковых мастеровых, которые бы знали искусство бумагоделания, весьма трудно». Поэтому в 1811 году с энтузиазмом было воспринято желание царскосельских (бывших софийских) мещан Андрея Гулина и Ивана Федотова быть причисленными к бумажной фабрике «со всеми своими немалочисленными семействами». Фабричное начальство посчитало принять их в свое ве-

домство делом и выгодным, и перспективным, поскольку первый из них «знает черпанье бумажного искусства», а второй «искусен круг машин»¹⁶. Кроме того, они имели сыновей, которые также могли пополнить рабочий штат.

Свертывание производства в 1816 году привело к тому, что 25 присланных новых учеников не знали чем занять. Заготовка ассигнационной бумаги была завершена, и казенный пристав предложил пойти на меры, по сути дела беспрецедентные: начать выделку из оставшегося сырья писчей и оберточной бумаги¹⁷.

Происходили на бумажной мельнице потрясения и другого рода. В конце 1815 года управляющий фабрикой казенный пристав М. К. Крейтер вышел в отставку. После его ухода не осталось никакой документации «по части делания гербовой бумаги». Назначенный на эту должность в начале 1816 года надворный советник Ф. Г. Лазарев-Станицев обнаружил отсутствие на фабрике сведений о том, «сколько на текущий год потребно заготовить вексельной заемной и других бумаг» и вынужден был обратиться за информацией к уволенному от службы предшественнику¹⁸.

Квартиры казенного пристава, а также бухгалтера и его помощника, находились в главном двухэтажном корпусе жилого комплекса на Набережной улице. Но если за годы существования фабрики приставы сменялись трижды, то на посту бухгалтера неизменно оставался Дмитрий Яковлевич Костенский (1747 или 1748–1818), отец лицейского соученика А. С. Пушкина

Константина Костенского. Дмитрия Яковлевича вполне можно отнести к легендарным личностям Царско-сельской Ассигнационной фабрики. Он проработал на ней со дня ее основания, ни разу не взяв отпуска, и именно на его долю выпало перевернуть последнюю страницу ее истории.

Д. Я. Костенский происходил из дворян Полтавской губернии. Свою трудовую деятельность он начал копиистом в «Комиссии о сочинении проекта Нового уложения» в 1768 году, продолжил ее на должности писца, а затем канцеляриста в Правительственном Сенате, был переведен губернским секретарем в Экспедицию о государственных доходах с последующим производством в титулярные советники. В марте 1785 года он был определен бухгалтером и комиссаром на вновь открывшуюся в Царском Селе Ассигнационную фабрику, где поэтапно проходило его повышение в чинах: коллежский асессор с 1787 года, надворный советник с 1792 года. По Высочайшему именному указу был произведен в 1798 году в коллежские советники¹⁹.

Должность бухгалтера на практически засекреченном объекте, каковым по сути являлась фабрика, была трудоемкой и ответственной. Костенский был приобщен к самым «секретным операциям» в составе весьма ограниченного и строго регламентированного круга лиц. Согласно инструкции, казенный пристав лишь в его присутствии принимал командированных с поручениями от начальства «кто прислан с формами бюджет, и при бухгалтере, не впуская туда ни в какое время ни

кого излишних и сторонних людей кого бы и кто звания и чина ни был...». Бухгалтер, один из немногих, имел доступ к своего рода рабочему сейфу — «обитому железом сундуку», где хранилась готовая бумага перед отправкой в Петербург. Правила гласили, что «отпирать его можно только втроем вместе: бухгалтер, казначей и присланный человек»²⁰.

Костенский заработал репутацию отличного работника: не имел никаких нареканий и взысканий, был удостоен «Высочайшего благоволения» (1809), за 35 лет безупречной службы «Всемиловейше пожалован Орденом Св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени».

В 1816 году Дмитрий Яковлевич овдовел. Его жена Ксения Никитична, урожденная Кудлай, была похоронена на Кузьминском кладбище в Царском Селе²¹. Вскоре перемены коснулись и служебной деятельности Костенского. После учреждения в Петербурге Экспедиции по заготовлению государственных бумаг, включающей в себя как бумагоделательную фабрику, так и типографию, Царскосельская бумажная мельница упраздняялась. Отливка бумаги на ней окончательно завершилась в марте 1818 года, ровно через 33 года после ее открытия. Личный состав переводился в новое заведение. Во время реорганизационного периода на Костенского были возложены особые полномочия: он был оставлен при упраздненной фабрике с назначением на должность смотрителя. Казенному приставу Лазареву-Станицеву 6 мая 1818 года предписывалось: «По насту-

плению времени к начатию действия на новоустроенном здесь бумажном заведении (т. е. в Петербурге. — *Н. К.*) <...> как самим переехать в сказанное заведение, так ровно немедленно перевести в оное с упомянутой фабрики чиновников, мастеров и мастеровых, оставя там токмо бухгалтера Костенского...»²².

В списках переезжавших в Петербург значился и помощник бухгалтера — надворный советник Дмитрий Кудлай, брат жены Костенского, поступивший на эту должность в чине губернского секретаря в 1801 году и произведенный в надворные советники в 1816 году²³. Девятого мая 1818 года «переведенные в новое заведение прибыли на место»²⁴. Костенский приступает к работе по передаче Царскосельской фабрики, ее оборудования, принадлежащих ей строений новому владельцу — Ропшинской обойной фабрике. В его ведении остаются образцы бумаг, документация, вещи, инструменты до предстоящей их отправки в Петербург. О прекрасных деловых качествах Костенского свидетельствует основательно и скрупулезно составленная им опись всего движимого и недвижимого фабричного имущества²⁵.

На жительство при упраздненной фабрике были оставлены 64 человека, продолжавшие находиться на ее обеспечении (четверо престарелых черпальщиков, шесть инвалидов караула, жены, вдовы, малолетние дети из семей мастеровых и нижних служителей). Им выплачивалось содержание и выдавался провиант²⁶. Д. Я. Костенский также получал положенные ему выплаты. Но в следующем после закрытия Царскосель-

ской бумажной фабрики году, 8 октября 1819, он умер в возрасте 71 года (по другим сведениям — 72 лет). Как сообщал в своем рапорте о причинах смерти Костенского экзекутор Бекетов, он «был одержим долгое время болезнью»²⁷. Исполнение им последней, ответственной и, в любом случае, горестной для него миссии, окончательное расставание с Царскосельской фабрикой, которой он отдал 33 года своей ревностной службы, по всей видимости, подорвали здоровье немолодого уже чиновника и подвели черту и под его жизнью.

После его смерти осталось трое детей. Сын Константин, который после окончания Лицея пошел по стопам отца, служил к тому времени секретарем в Канцелярии министра финансов (позднее он станет помощником бухгалтера в Государственном Ассигнационном банке). Его будущий начальник — управляющий этим банком и Экспедицией по заготовлению государственных бумаг А. Н. Хованский после смерти Дмитрия Яковлевича напишет о нем: «Покойный Костенский находился в действительной службе 51 год и был всегда отлично исправным и усердным чиновником...»²⁸. Он же будет хлопотать о назначении двум незамужним дочерям Костенского пенсии в размере годового жалованья их отца.

Летом 1819 года лицеист Валериан Лангер запечатлел на одной из своих литографий панораму каскадных прудов со стороны Павловской плотины: слева — возведенную в 1818 году по ходатайству директора Лицея Е. А. Энгельгардта деревянную лютеранскую церковь

Преображения Господня; далее, в конце Набережной улицы от пересечения ее с Малой, — комплекс жилых фабричных построек с центральным корпусом, в котором 33 года прожил Костенский со своей семьей, наконец, в перспективе, за прудами — здание к тому времени уже бывшей Ассигнационной фабрики, у которого началась новая история²⁹.

Примечания

- 1 О Царскосельской Ассигнационной фабрике также см.: Историко-литературный музей г. Пушкина. НСФ-243; *Корнилова Н. А.* 1) Ассигнационная фабрика в Царском Селе // Петербургские чтения. Материалы науч. конф. СПб., 1995. С. 246–249; 2) Английские «тайны» Царскосельской бумажной мельницы // Россия — Англия. Страницы диалога. Краткое содержание докладов 5-й Царскосельской науч. конф. СПб., 1999. С. 103–106.
- 2 ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 22. № 16140. СПб., 1830.
- 3 ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 11. Л. 7, 9; Д. 12-а. Л. 1.
- 4 Там же. Д. 78. Л. 52.
- 5 Там же. Л. 53.
- 6 Там же. Л. 61–63.
- 7 Там же. Д. 1. Л. 15.
- 8 Там же. Л. 11-об., 12.
- 9 Там же. Д. 1. Л. 12.
- 10 Там же. Д. 7. Л. 2; Д. 8. Л. 4.
- 11 Там же. Л. 16–17.
- 12 Там же. Д. 78. Л. 65.
- 13 Там же. Д. 60. Л. 4.
- 14 Там же. Д. 42. Л. 8.
- 15 Там же. Д. 94. Л. 21–22.
- 16 Там же. Д. 27. Л. 1–3.
- 17 Там же. Д. 42. Л. 12.
- 18 Там же. Л. 2–7.
- 19 Там же. Д. 76. Л. 7–8.

- ²⁰ Там же. Д. 1. Л. 15, 20.
- ²¹ *Панов В.* Царскосельский некрополь. Первые кладбища Царского Села. Кузьминское кладбище. СПб., 2011. С. 85.
- ²² ЦГИА СПб. Ф. 1458. Оп. 2. Д. 60. Л. 2.
- ²³ Там же. Д. 12; Д. 42. Л. 10; Д. 61. Л. 4.
- ²⁴ Там же. Д. 61. Л. 3.
- ²⁵ Там же. Д. 78.
- ²⁶ Там же. Д. 60. Л. 7; Д. 94. Л. 5, 8–9, 18–19; Д. 124.
- ²⁷ Там же. Д. 76. Л. 1.
- ²⁸ Там же. Л. 5–6.
- ²⁹ Из изображенного Лангером до сегодняшнего дня сохранились здание фабрики и один из одноэтажных корпусов жилого комплекса на Набережной улице. На месте другого в 1862–1870 гг. было возведено здание Николаевской мужской классической гимназии. Центральный двухэтажный жилой корпус в 1862–1865 гг. капитально перестроили для размещения Городовой рагуши. Рядом с разобранной деревянной лютеранской церковью в 1865 г. была построена каменная евангелическо-лютеранская кирха Воскресения Христова.

Указатель имен

- Авсеенко В. Г. 57
Аксаков К. С. 40
Аксаков С. Т. 38, 39
Александр I 107
Андросов В. П. 36
Аничков В. М. 46
Аскоченский В. И. 79
Ашукин Н. С. 77
- Бабст И. К. 55
Балашова Ю. Б. 3, 21–33
Бальмонт К. Д. 28
Барсуков. Н. 41
Баскаков В. Н. 52
Бахтин М. М. 21, 32
Бекетов, экзекутор 113
Белинский В. Г. 35, 36, 40, 41, 44,
71, 75
Беляев И. Д. 61
Берг Н. В. 46
Бестужев-Марлинский А. А. 23
Бехтеев С. С. 91
Благосветлов Г. Е. 66
Бларамберг П. И. 95
Блок Г. П. 91
Блудов Д. Н. 51, 53
Борель П. Ф. 65, 75
Брюсов В. Я. 27
Булгарин Ф. В. 74
Бунин И. А. 28
Буторин Д. 69, 78
Бялик Б. А. 33
- Валуев П. А. 66
- Вальская Б. А. 49, 53
Варшавский Л. Р. 79
Вацуро В. Э. 23, 33
Вейнер П. П. 91
Вигель Ф. Ф. 59
Виноградов В. В. 73, 79
Волков А. М. 78, 79
Волынский А. Л. 29
Воробьева Е. И. 33
Воронцов А. Р. 10
Воронцов С. Р. 10
Вяземский А. А. 104
- Гаевская 98
Галкина Т. И. 3, 34–41
Гартман Л. Ф. 91
Гартман Н. Н. 85
Гейне Г. 83
Гессен В. М. 93
Гете И. В., фон 35, 82
Гиппиус Вас. В. 69, 78
Гирченко И. В. 33
Глинка М. И. 79
Глинка С. Н. 24
Гоголь-Яновская М. И. 37, 38
Гоголь Н. В. 34–41, 79
Голиков А. Г. 78
Голлербах Э. Ф. 77
Гомер 40
Гончаров И. А. 45, 82
Горчаков А. М. 95
Горчаков М. Д. 47, 53
Грановский Т. Н. 55

Указатель имен

- Грибоедов А. С. 11, 82
Григорович Д. В. 74
Грот К. К. 95
Грот Я. К. 83
Гулин А. 108
Гюго В. 82
- Данте А. 51
Дарвин Ч. Р. 72
Дельвиг А. А. 33
Демидов А. Н. 13
Державин Г. Р. 9, 50, 104
Дмитриев И. И. 9, 19, 69
Добролюбов Н. А. 65
Долгоруков В. А. 76, 79
Долотов А. И. 79
Достоевский Ф. М. 82
- Евгеньев-Максимов В. Е. 65, 77
Екатерина II 59, 61, 62, 103
Ермолов Ю. В. 96
Ефремин А. В. 66, 75, 78, 79
- Жихарев С. П. 11, 19
Жуковский Р. К. 65, 77
- Зайцев В. А. 68
Замаренова О. А. 63, 64
Замятнин Д. Н. 95
Зубов Н. Г. 91
- Иванов А. А. 39
Иевлев Н. В. 65, 66, 67, 71
Иловайский Д. И. 57, 58
Ильяшенко В. С. 91, 97
Карамзин Н. М. 7, 13, 18–20
- Карл V 55
- Катков М. Н. 54–62, 66, 67
Киреевский И. В. 35
Китаев В. А. 62
Клевенский М. М. 77
Клепиков С. А. 77
Кобеко Д. Ф. 84
Ковалевский Егор П. 3, 5, 42–50, 52, 53
Ковалевский Евграф П. 52
Ковалевский П. М. 79
Кольцов А. В. 44
Корнилова Н. А. 3, 103–114
Корф М. Н. 82
Корф Н. А. 82
Костенская К. Н., урожд. Кудлай 111
Костенский Д. Я. 109–114
Костенский К. Д. 110, 113
Кочубей В. П. 13
Кошанский Н. Ф. 102
Краевский А. А. 54, 70, 71, 73, 74, 76
Крейтер М. К. 109
Крестовский 3-й В. см. Долгоруков В. А.
Кругликова О. С. 3, 54–62
Кудинов А. А. 67
Кудлай Д. Н. 112
Кудлай К. Н. см. Костенская К. Н.
Кудрявцев П. Н. 51
Курочкин В. С. 78, 79
Кюхельбекер В. К. 22, 23, 33
- Лавров П. А. 49
Лавров А. В. 33
Лазарев-Станицев Ф. Г. 109, 112
Лангер В. П. 115
Левенец В. В. 91

Указатель имен

- Леонтьев П. М. 56
Лермонтов М. Ю. 82
Ливенцов М. А. 42
Лихачев Д. С. 25, 26, 33
Лотман Ю. М. 19
Любимова-Доравотовская В. С.
78
Любовников С. А. 70, 78
- Макашин С. А. 68, 78
Максимов Д. Е. 33
Макушин Л. М. 54, 55, 62
Малиновские 9
Малиновский А. Ф. 9
Малиновский В. Ф. 3, 4, 7, 9, 10,
13–19
Малютин Б. Е. 92, 97
Медакович 49
Мельгунов Б. В. 42, 52, 77
Михайлова Л. Б. 3, 4, 7–20
Михайловский Н. К. 68
Мосолов А. Н. 61, 62
Муравьев М. Н. 9, 62
Муромцев С. А. 93
Мышецкий Д. П. 98, 99, 100
- Наполеон I 60
Невахович М. Л. 73
Негош П. П. 49, 50
Незлобин Ю. 79
Некрасов Н. А. 3–6, 29, 42–47,
50–53, 63–67, 69–79, 82
Некрасов С. М. 3, 4–7
Неслуховский Ф. К. 95
Никитин С. А. 48, 53
Никифоров Н. К. 83, 91
Николай I 40
Никольский В. В. 84
- Ницше Ф. В. 91
Новиков Н. И. 8, 9, 17, 20
Нотович О. К. 72
Одоевский В. Ф. 22, 33
Оксман Ю. Г. 33
Олег Константинович, вел. кн. 93
Омер-паша 49
Орлов В. Н. 22, 32
Островский А. Н. 74
- Павлова С. В. 3, 80–102
Панаев И. И. 65, 73, 74
Панов В. 115
Петр I, имп. 7
Платон, митрополит 9
Плетнев П. А. 41
Погодин М. П. 23, 34–41
Подшивалов В. С. 11
Полевой Н. А. 32
Полянский С. 44
Помяловский М. И. 91
Понятовский С. А. 58
Попов Н. А. 58
Попов П. П. 82
Порфирьев В. И. 72
Пушкин А. А. 29
Пушкин А. С. 23, 28, 33, 38, 41,
50, 81–83, 86, 89–100, 110
- Разумовский А. К. 94
Раич С. Е. 23
Рамазанова Н. В. 79
Рейнбот П. Е. 81, 89, 100
Ровинский Д. А. 49
Розен Р. Р. 60
Рубец А. А. 93
Рыбаченок И. С. 78
Рылеев К. Ф. 23

Указатель имен

- Саломон А. П. 89, 90, 95, 98
Салтыков-Щедрин М. Е. 67, 68,
70, 72, 73, 76, 78, 83
Самарин Ю. Ф. 61
Сенека, Луций Анней 9
Сенковский О. И. 35
Сиверс Я. Е. 58
Скарлыгина Е. Ю. 29, 33
Сквирская Т. З. 79
Смирнов И. П. 26, 33
Смирнова А. О., урожд. Россет 41
Снегирев И. М. 11, 12, 19
Соболев Л. И. 69, 78
Сокальский Н. П. 42, 44
Соловьев С. М. 55, 59
Сомов К. А. 28
Сонина Е. С. 3, 63–79
Сохацкая Н. Ф., урожд. Малинов-
ская 13
Сохацкий П. А. 11–13
Степанов Н. А. 71, 73–75, 79
Степанов Н. Л. 23, 33
Степина М. Ю. 3, 42–53
Стернин Г. Ю. 77
Страховский Л. И. 91
Ступин Н. Д. 53
Сухих В. 108
Сухих Е. 106, 108
Сухих И. 108
Сухих Н. 108
- Татищев А. А. 93
Твардовская В. А. 62
Терне А. А. 97
Титов В. П. 53
Толстой Л. Н. 42, 44, 45, 53, 74, 82
Траншель А. И. 65, 66
Трачевский А. С. 59
Трубачев С. С. 79
- Тургенев И. С. 29, 43, 63, 74, 77, 83
Тынянов Ю. Н. 22, 33
Тяжелов Л. Д. 91
- Урусов А. И. 28
- Федотов И. 109
Феоктистов Е. М. 60
Фет А. А. 29, 79, 91
Фонякова Н. Н. 77
- Херасков М. М. 8.
Хованский А. Н. 113
Хомяков А. С. 35
- Цез В. А. 66
- Чемоданов М. М. 75
Чернышев А. Ф. 79
Чернышевский Н. Г. 44, 46, 49, 53,
65, 76
Чехов А. П. 28
Чичерин Б. Н. 55
Чупринин С. И. 30
- Шапошников Б. В. 77
Шевырев С. П. 35, 39, 40, 41
Шекспир В. 83
Шеншина Н. А. 79
Шляпкин И. А. 100
Шпильгаген Ф. 83
- Щебальский П. К. 55, 57, 59
- Энгельгардт Е. А. 89, 114
Эфрос Н. Д. 77
- Языков Н. М. 35
Яхонтов А. Н. 88

Научное издание

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Сборник научных статей

Редакторы *Ю. А. Зигерн-Корн, В. С. Кизило*
Технический редактор *М. Л. Куракина*
Верстка *Л. В. Васильевой*

ISBN 978-5-98147-064-6

Подписано в печать 10.12.2015. Формат 60×84^{1/16}.
Печ. л. 7,5. Печать офсетная. Тираж 200 экз. Зак. № 1177.

Отпечатано в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 38, лит. А